

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

13

Москва
Санкт-Петербург
2016

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 13. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. — 66 с.

ISBN 978-5-98874-120-6

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор *С. Н. Кистерев*

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

А. Е. Жуков

К ВОПРОСУ ОБ АВТОГРАФАХ ПАТРИАРХА ГЕРМОГЕНА

Московский патриарх Гермоген, известный своим вкладом в противодействие польско-литовской интервенции, был также видным книжником.¹ Его высокие познания и эрудицию отмечали еще современники. В Хронографе 1617 г. написано: «В первое лето царства Василия царя возведен бысть на престол патриаршеский велицей церкви Гермоген, иже бысть казанский митрополит. Бысть же словесен муж и хитроречив, но не² сладкогласен, о божественных же словесех всегда упражняшеся и вся книги Ветхаго Завета и Новыя Благодати и уставы церковныя и правила законныя до конца извыче».³ В настоящее время известно несколько рукописей, принадлежавших патриарху. Первая хранится под шифром ГИМ, Синодальное собр. № 982⁴ и содержит текст «Повести о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани». В этом же собрании находится рукописный сборник с текстами поучительных слов Симеона Нового Богослова.⁵ Еще одна рукопись патриарха хранится в РГБ,

¹ Биографию и сведения о литературных трудах Гермогена см.: Дробленкова Н. Ф. Гермоген // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 153–163; Вовина-Лебедева В. Г., Чугреева Н. Н. Ермоген // Православная Энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 633–641.

² В другом списке вместо «не» написано «и» (Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 201).

³ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей... С. 200–201.

⁴ ГИМ. Син. 982. Описание см.: Савва (Тихомиров), архиеп. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858. С. 164; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в Описание А. В. Горского и К. И. Невоструева. Ч. 1. М., 1970. С. 16–17.

⁵ ГИМ. Син. 208. Описание см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Ч. 2. М., 1859. С. 653–657.

собр. ОИДР № 190.⁶ Последняя из известных рукописей святителя хранится под шифром РГБ, собр. Е. Е. Егорова № 25. Она была описана Ю. Д. Рыковым, который также предположил, что у Гермогена была в Казани келейная библиотека, впоследствии перевезенная в Москву.⁷ В связи с книжной деятельностью патриарха встает вопрос о тех текстах, которые он написал собственноручно. В настоящей статье мы обратимся к спорным вопросам, связанным с автографами Гермогена.

Считается, что рукопись ГИМ, Син. 982 («Повесть о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани») была написана рукой патриарха. На нижних полях листов ГИМ, Син. 982 читается: «[Тетрати] привезены к Москве из Казани, а письмо в них рука святейшаго Ермогена патриарха Московскаго и всеа Руси, а писал те тетрати в Казани Ермоген митрополит тогда, как сия святая чюдеса складывал, а писал своею рукою».⁸ Согласно этой записи текст манускрипта был переписан самим патриархом. Однако еще А. И. Соболевский, которому принадлежит подробная палеографическая характеристика рукописи, обратил внимание на тот факт, что в ней присутствует не один, а три почерка.⁹ Впрочем, исследователь не вполне точно указал листы, на которых эти почерки расположены, и не дал их развернутой характеристики. Поэтому критерии, на основании которых он выделил три почерка, не вполне ясны, а выводы А. И. Соболевского нуждаются в уточнении.

По мнению исследователя, одним почерком написан текст с л. 26 и до конца рукописи. А. И. Соболевский характеризует его как смелый и небрежный, черновой по своему характеру. Кроме того, как считал ученый, один из почерков на л. 2–25 также близок к почерку, начинающемуся на л. 26, хотя и имеет некоторые отличия от последнего.¹⁰ Но на каких именно листах он находится, А. И. Соболевский не пишет. На наш взгляд, текст на л. 2–10 (до строки 3), 13–16 написан одним почерком с текстом на л. 26–36. Графические отличия письма на этих листах обусловлены тем, что для данного почерка была характерна вариативность. На некоторых листах письмо носит упрощенный характер (ил. 1). В почерке преобладают закругленные

⁶ Описание см.: *Строев П. М.* Библиотека Императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 68–69.

⁷ *Рыков Ю. Д.* Малоизвестная рукопись святителя Гермогена в собрании Е. Е. Егорова в ОР РГБ // Румянцевские чтения. 2013. Материалы международной научной конференции (16–17 апреля 2013). Ч. 2. М., 2013. С. 128–139.

⁸ ГИМ. Син. 982. Л. 2–9.

⁹ *Соболевский А. И.* Сказание о чудотворной Казанской иконе Пресвятой Богородицы. Рукопись святейшего патриарха Гермогена. М., 1912. С. 5–6.

¹⁰ Там же. С. 5.

по форме движения. При этом писец не использовал дополнительные «декоративные» штрихи с целью сделать начертания букв более изящными. На других листах почерк усложненный (ил. 2, за исключением последних четырех строк). Кроме круговых, писец писал извилистыми по форме движениями. При написании букв используются «декоративные» штрихи. Так, в буквах «е» и «с» в верхней части графем прописывался дополнительный отросток. На значительном количестве листов изящные декоративные начертания соседствуют с упрощенными. Следовательно, это не два разных почерка, а две разновидности одного и того же. Вероятно, этим же почерком написан текст на л. 19–19 об. (ил. 3). Буквы здесь наиболее крупные, по графическим особенностям приближаются к полууставным. Кроме того, в письме преобладают извилистые, а не закругленные по форме движения. Это каллиграфическое письмо. Визуально оно отличается от письма на л. 2–10 (до строки 3), 13–16 и 26–36. Однако отличия эти сводятся к аккуратности начертаний, высоте букв, наличию декоративных элементов и другим частным признакам почерка, которые не свидетельствуют о том, что текст на л. 19–19 об. был написан другим человеком. В то же время сам характер движений и динамика письма остаются неизменными. Помимо этого, способы написания большинства букв на л. 19–19 об. и л. 2–10 (до строки 3), л. 13–16 и 26–36 сходны. Следовательно, текст на л. 19–19 об. был написан тем же человеком, который написал л. 2–10 (до строки 3), 13–16 и 26–36.

А. И. Соболевский пишет, что с четвертой строки л. 10 начинается довольно разгонистый и тщательный почерк одного писца, который заканчивается на 1 строке 13-го листа (ил. 4).¹¹ На наш взгляд, этим же почерком написан текст с восьмой строки л. 19 об. до л. 25 об. Начертания здесь более размашистые, чем в первом почерке. Писец использовал резкие прямые движения. Кроме того, отличаются способы написания некоторых букв. Так, если в первом почерке надстрочная «р» пишется параллельно строке, то во втором она изображается под небольшим углом, при этом стержень буквы направлен вверх. Надстрочная «з» во втором почерке пишется размашистым движением и по размерам больше, чем надстрочная буква «з» в первом почерке. Буква «ѣ» в первом почерке пишется в два движения, причем ѣ-образный элемент, как правило, завершается небольшим крючком, направленным в левую сторону. Во втором почерке эта буква пишется в одно сложное движение: сначала прописывался «ѣ»,

¹¹ Соболевский А. И. Сказание о чудотворной Казанской иконе Пресвятой Богородицы. С. 6.

ицѣ^{свѣта} башани^и мало. како са^и подѣ^и да^и 19
прѣста. прозрѣти^и пѣ^и плѣ^ица
сподоби. прѣ^их^ие^и на^и пѣ^и да^и
спѣ^ини^иа^иу^ико. За^ибѣ^ита^им^ид^исно^и
ре, бѣ^ита^ипо^ира^ид^и под^иа^иш^ие^ито
ис^иц^ие^их^ие^ини^и, прѣ^их^ию^иб^иц^их^и. е^и
бѣ^ищ^иа^ит^ии^их^ит^ии^ид^ии^иб^иго^идар^и
ни^и. в^ик^иѣ^ит^ио^ина^ипр^ио^иш^ие^ини^и
с^ир^иѣ^ира^ипа^ико^иу^ис^ит^ире^им^ии, е^ик^их^и
из^иб^иѣ^и, и^ид^иѣ^иро^ию^ип^ид^ие^ини^иѣ^и
но^ис^ит^ии^ию^иѡ^ип^иѣ^ит^ит^ие. не^ипо^ил^ид^и
до^ико^иц^иа^исп^ини^иа, и^ине^ид^иѣ^иво^ии

218968
 смилъ и нѣмъ изъбра. Како оубѣта
 въ любви и съсрѣщеніи. ѿцѣ
 рѣхъ нѣхъ. Тѣмъ оубѣдѣ въ пиѣ
 шепъ нѣхъ лѣдѣ сѣдой и дѣрхъ. и по
 рѣтѣ нѣхъ и поношеніи ѿ рѣтѣ дѣ
 рѣтѣ и по дѣрхъ. и не тѣмъ поно
 шеніи и похѣленіи и не тѣмъ
 и по нѣмъ. и да не рѣтѣ бѣдѣ
 тѣбѣ сѣтѣ въ и да не тѣ дѣрхъ. да бѣ
 тѣ да сѣтѣ и тѣмъ тѣ не прѣ
 дѣ. и да бѣ тѣмъ и сѣтѣ и не тѣмъ
 и не тѣмъ по сѣтѣ

а потом справа выполнялась петля, перечеркивающая стержень «ъ» и переходящая в перекладину. Встречается еще один способ ее написания — в несколько прямых движений. Список приведенных отличий далеко не исчерпывающий. Важно, что первый и второй почерки отличаются как графически, так и по характеру движений, которые используют писцы. Скорее всего, они принадлежали разным людям.

Еще один почерк, по мнению А. И. Соболевского, начинается на л. 16 об. и заканчивается на предпоследней строке л. 18 об. (ил. 5). Исследователь характеризует его как наиболее тщательный в рукописи.¹² Человек, которому принадлежал этот почерк, писал небольшими аккуратными буквами. Для него были характерны закругленные по форме движения. При письме он часто использовал петли и дугообразные элементы, что не характерно для первого и второго писцов. Хотелось бы обратить внимание на некоторые особенности написания отдельных букв. Буква «ѣ» пишется двумя способами. Первый способ: графема пишется в один прием с широкой петлей в правой части в надстрочье, в левой части верхней перекладки прописывается небольшой крючок. Сходные начертания попадают на листах, написанных вторым почерком, однако отмеченный крючок в них, как правило, отсутствует. Второй способ: также в один прием, с двумя петлями в надстрочье. Для первого и второго почерков такой вариант написания буквы «ѣ» нехарактерен. Буквы «ъ» и «ч» пишутся в один прием. Вертикальный стержень выгнут влево, причем сильнее, чем при написании этих букв в первом почерке. Таким образом, третий почерк отличается от двух других как по характеру движений, так и графически. Кроме того, он более стабилен: почти не меняется высота букв и толщина линий начертаний. Все это заставляет считать, что третий почерк принадлежал еще одному писцу.

Таким образом, в рукописи ГИМ, Син. 982 отразились три почерка. Необходимо установить, какой из них принадлежал Гермогену. А. И. Соболевский приписывал патриарху первый почерк рукописи ГИМ, Син. 982. Он писал, что почерк на л. 26–36 носит черновой характер, имеет помарки и приписки и вообще отличается всеми признаками авторского письма.¹³ Действительно, именно первым почерком внесены все исправления в текст памятника. Приведем один характерный пример. Текст на л. 17 написан третьим писцом. Фрагмент от слов «мне же тогда в чину поповсте» до слов «архиепископ же благослови мя» обведен в рамку, по левому полю первым почер-

¹² Соболевский А. И. Сказание о чудотворной Казанской иконе Пресвятой Богородицы. С. 6.

¹³ Там же. С. 5.

ком сделана приписка «не пиши то, что в черте», а по нижнему полю написано «и повеле взяти ми».¹⁴ По мнению О. В. Панченко, это сокращение текста было сделано самим Гермогеном во время окончательной правки рукописи.¹⁵ Действительно, если Гермоген участвовал в переписывании рукописи ГИМ, Син. 982 и был составителем «Повести о явлении и чудесах казанской иконы Богородицы», то, вероятно, именно он выправлял ее текст. Кроме того, сохранилось рукоприкладство Гермогена на обороте жалованной несудимой грамоты патриарха Иова архимандриту Цареконстантиновского монастыря Владимирского уезда Рафаилу с определением повинностей и денежных сборов с монастырских крестьян.¹⁶ Почерк, которым оно выполнено, визуально сходен с первым почерком в рукописи ГИМ, Син. 982. Особенно близок он к письму на л. 19–19 об. Таким образом, писец, которому принадлежал первый почерк рукописи ГИМ, Син. 982, вносил в ее текст исправления, работал как редактор. Кроме того, почерк первого писца сходен с известным автографом патриарха Гермогена. Следовательно, первым писцом был сам патриарх, на тот момент — казанский митрополит.

Относительно принадлежности нескольких записей руке Гермогена среди исследователей нет единого мнения. Их мы и рассмотрим ниже. В своих литературных трудах Гермоген обращался к рукописям библиотеки Чудова монастыря. В послании патриарху Иову он сообщает, что работал там с некоей «зеленой» Степенной книгой.¹⁷

¹⁴ ГИМ. Син. 982. Л. 17 об.

¹⁵ БЛДР. Т. 14. СПб., 2006. С. 675.

¹⁶ РГАДА. Ф. 135. Древлехранилище. Приложение. Рубрика III. № 36.

¹⁷ Факт знакомства святителя Гермогена с «зеленой» Степенной книгой Чудова монастыря был отмечен еще Н. П. Лихачевым (*Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1. СПб., 1899. С. CLIV–CLV). Ссылку на источник исследователь не привел. А. С. Усачев заимствовал цитату у Н. П. Лихачева (см.: *Усачев А. С.* Об одном читателе Чудовского списка Степенной книги // *Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010.* М.; СПб., 2010. С. 285. Примеч. 19). А. В. Сиренов цитирует текст по изд.: *Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России.* М., 1912. С. 60 (см.: *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 188. Примеч. 73). В данном издании послание было заимствовано из книги: *Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств, старанием и трудами Спасоказанского Преображенского монастыря архимандрита Платона (Любарского) составленный. 1782.* В последней не указан источник, откуда взято послание Гермогена Иову. Таким образом, ни один исследователь не указал первоисточник сведений о «зеленой» Степенной книге. Однако текст этого письма Гермогена Иову полностью вошел в состав некоторых редакций Казанского летописца (см.: *ПСРЛ. Т. 19.* М., 2000. С. 486–496). Вероятно, Платон (Любарский) воспользовался одним из списков этого памятника.

В Чудове монастыре хранился один из древнейших списков этого памятника — Чудовский список (ГИМ, собр. Чудова монастыря 358). На полях некоторых листов этой рукописи скорописью были сделаны приписки (ил. 6).¹⁸ Первая относится к тексту о поставлении Гурия казанским архиепископом в главе 55 степени I: «Иже ныне божиею благодатию чудотворец и нетлением от бога почтен».¹⁹ Вторая приписка сообщает о количестве русских пленных, освобожденных после взятия Казани: «60000 рускаго плену тогда свободил бог».²⁰ Третья приписка также привязана к архиепископу Гурию и содержательно сходна с первой: «Ныне же от мощей его изцеления подает бог».²¹ Авторство этих приписок стало предметом спора между исследователями.

А. В. Сиренов предполагает, что глоссы Чудовского списка были сделаны святителем Гермогеном и аргументирует это следующим образом. Во-первых, Гермоген был автором Жития Гурия и Варсонофия Казанских. Между приписками и Житием присутствует тематическое сходство, хотя дословно тексты не совпадают.²² Кроме того, исследователь сопоставил почерк, которым написаны приписки, с почерком рукописи ГИМ, Син. 982 («Повести о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани»),²³ рассмотренной нами выше, и пришел к выводу, что они были выполнены самим патриархом.²⁴ Другого мнения придерживается А. С. Усачев. Исследователь считает, что почерк помет Чудовского списка отличается от почерка рукописи ГИМ, Син. 982. Он придерживается мнения, что глоссы в Чудовском списке сделал не Гермоген, а кто-то из его сподвижников.²⁵ Таким образом, А. В. Сиренов и А. С. Усачев пришли к противоположным выводам на основании сопоставления приписок Чудовского списка с почерком рукописи ГИМ, Син. 982. Однако исследователи не рассматривали ее палеографических особенностей.

¹⁸ Они были подробно рассмотрены А. В. Сиреновым (см.: *Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль...* С. 189–190) и А. С. Усачевым (см.: *Усачев А. С. Об одном читателе...* С. 281–287). Фотографии приписок в Чудовском списке были предоставлены нам А. В. Сиреновым, за что приносим ему благодарность.

¹⁹ ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 358. Л. 742.

²⁰ Там же. Л. 751.

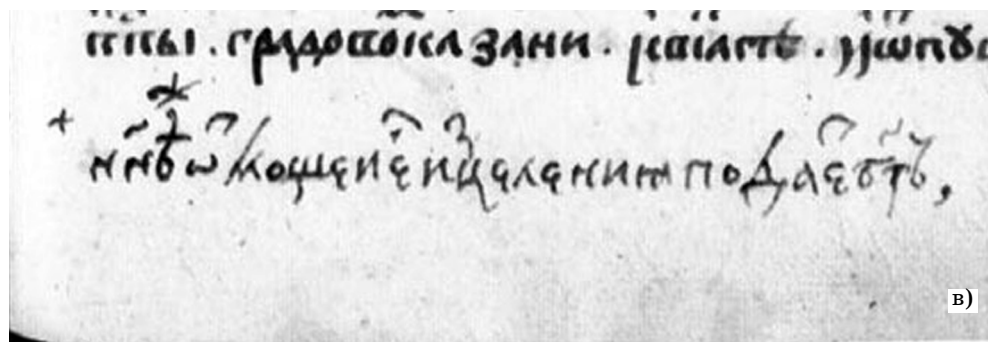
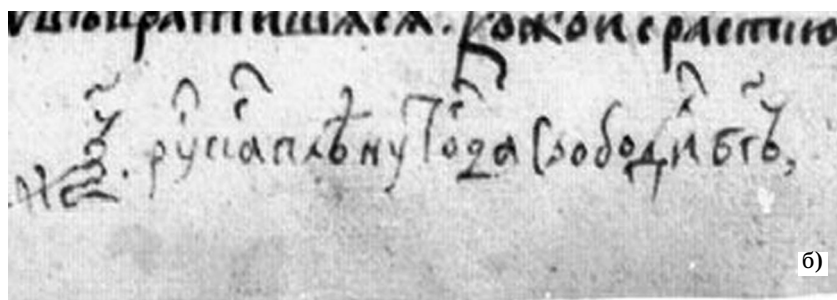
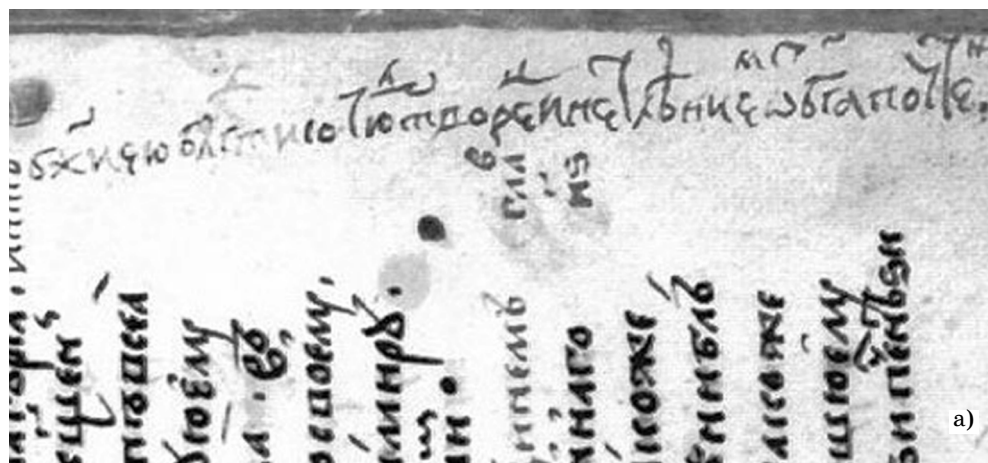
²¹ Там же. Л. 760.

²² *Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль...* С. 189.

²³ Исследователь ссылается на воспроизведение автографа Гермогена из рукописи ГИМ, Син. 982 в изд.: *Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 88.*

²⁴ *Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль...* С. 189.

²⁵ *Усачев А. С. Об одном читателе Чудовского списка Степенной книги...* С. 281–287.

Ил. 6. Приписки в Чудовском списке Степенной книги

- а) ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 358. Л. 142. Фрагмент;
б) ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 358. Л. 751. Фрагмент;
в) ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 358. Л. 760. Фрагмент

Выше мы попытались показать, что этот манускрипт был написан тремя писцами. А. В. Сиренов, хотя и пишет, что почерк, которым выполнены приписки Чудовского списка, сходен с почерком рукописи ГИМ, Син. 982, однако не уточняет, с каким из трех почерков обнаруживается сходство. А. С. Усачев также о трех почерках манускрипта не упоминает. Очевидно, исследователь считает, что почерк приписок Чудовского списка не сходен ни с одним из них.

На наш взгляд, все же можно говорить о сходстве первого почерка рукописи ГИМ, Син. 982, который, как было установлено выше, принадлежал Гермогену, с почерком приписок Чудовского списка Степенной книги. Некоторые отличия в графике, впрочем, имеются. В приписках Чудовского списка линии начертаний букв тоньше, чем в почерке Гермогена в рукописи ГИМ, Син. 982. Однако это связано с толщиной заточки пера. Кроме того, писец, который сделал приписки в Чудовском списке Степенной книги, писал на полях объемистого кодекса, вследствие чего положение руки при письме менялось. Это также могло привести к изменению графических особенностей почерка. Наконец, как мы писали выше, для почерка Гермогена была характерна некоторая вариативность. Поэтому, не обязательно связывать отличия почерка приписок Чудовского списка от почерка Гермогена с тем, что они были сделаны другим писцом, их можно объяснить изменениями условий работы.

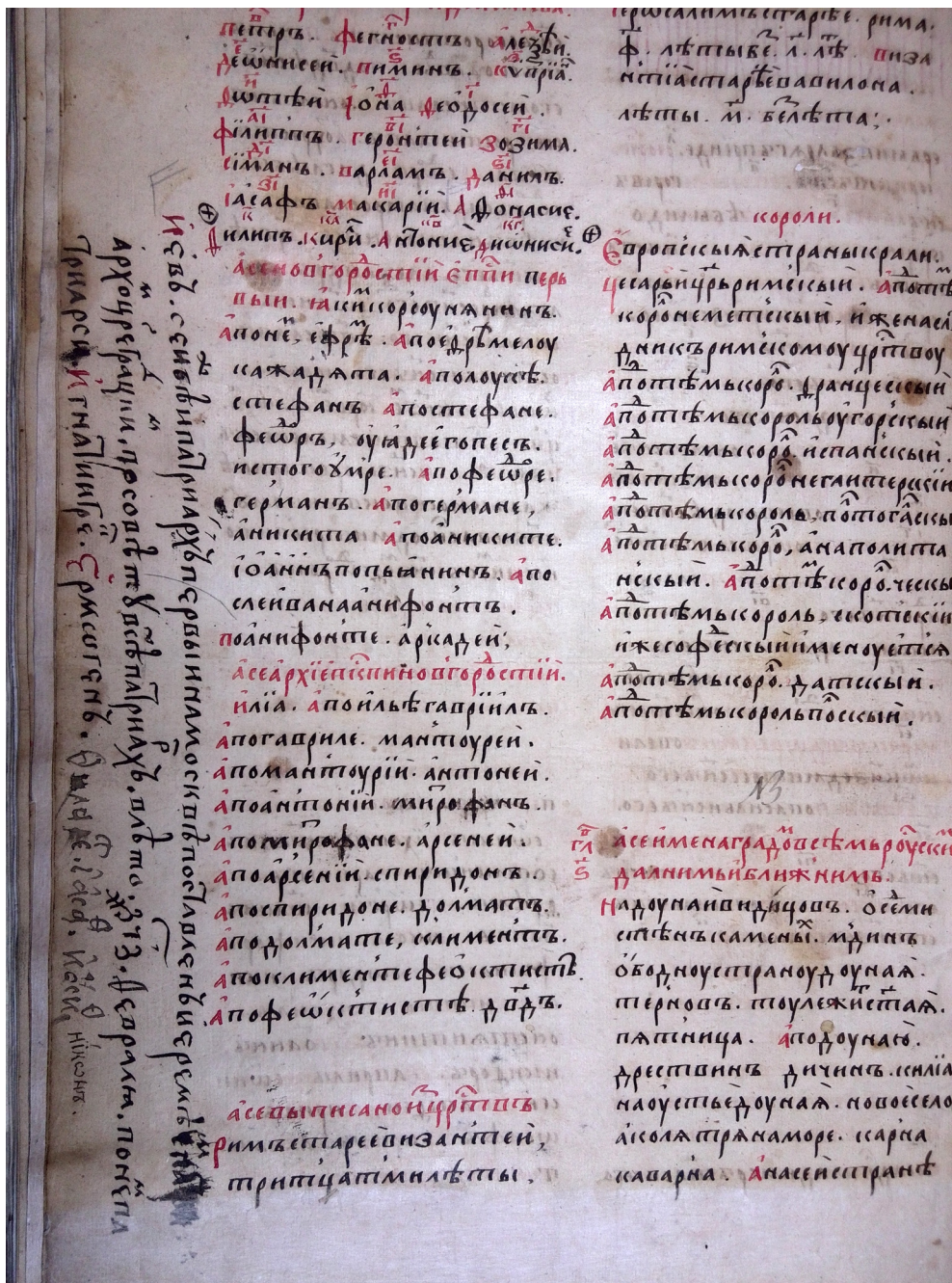
С другой стороны, почерк приписок Чудовского списка и почерк Гермогена наделены общими чертами. Во-первых, основное отличие почерка, которым выполнены глоссы Чудовского списка от почерка Гермогена в рукописи ГИМ, Син. 982 сводится к толщине линий начертаний букв. Выше мы писали, что в Чудовском списке они тоньше, что связано с толщиной заточки пера. Однако на некоторых листах рукописи ГИМ, Син. 982 Гермоген также использовал тонкую заточку (ил. 2, последние четыре строки). В этих местах почерк патриарха визуально сходен с почерком рассматриваемых приписок Чудовского списка Степенной книги. Во-вторых, в обоих случаях сходны способы начертания ряда графем. Буква «а» в приписках выполнялась в два приема: сначала изображается кружок, к которому приписывается небольшая прямая диагональная черта. Такой способ написания этой буквы присутствует в почерке Гермогена в рукописи ГИМ, Син. 982. В буквах «ч» и «ъ» перекидаина немного выгнута влево в форме дуги. Эту же особенность наблюдаем и в графемах Гермогена. В глоссах Чудовского списка встречается два способа написания буквы «д». Первый вариант — с кругом в строке и петлей внизу. Второй вариант в пять приемов сходен с современной печатной. Оба эти способа встречаются в почерке Гермогена в рукописи ГИМ, Син. 982. При написании графем «м», «л» и «д» (вариант в пять движений) первый

диагональный стержень сильно уходит в надстрочье, как и в ряде начертаний святителя в рукописи ГИМ, Син. 982. Буква «ѣ» в Чудовском списке пишется в два приема: ѣ-образный элемент с крючком, загнутым влево в верхней части, пересекается перекладиной с одной вертикальной мачтой слева. Положение перекладины при этом может быть различным: она или поднимается вверх, или, напротив, примыкает вплотную к кружку буквы в строке. Этот способ написания наиболее часто используется Гермогеном в рукописи ГИМ, Син. 982. Таким образом, в почерке Гермогена и в почерке приписок Чудовского списка совпадают не просто начертания отдельных графем, а целая комбинация особенностей написания букв, что является частным признаком письма.

Итак, все графические отличия почерка Гермогена в рукописи ГИМ, Син. 982 от почерка приписок Чудовского списка связаны с его вариативностью, а также с некоторыми техническими моментами, которые сказались на графических особенностях почерка глосс. К последним относятся особенности заточки пера и положения писчего инструмента при письме на полях кодекса. Помимо этого, в тех местах рукописи ГИМ, Син. 982, где Гермоген писал тонко заточенным пером, почерк сходен с почерком приписок Чудовского списка. Кроме того, в обоих случаях близка комбинация используемых начертаний букв. Эти два наблюдения позволяют сделать вывод о том, что рассматриваемые приписки на полях Чудовского списка Степенной книги выполнены святителем Гермогеном.

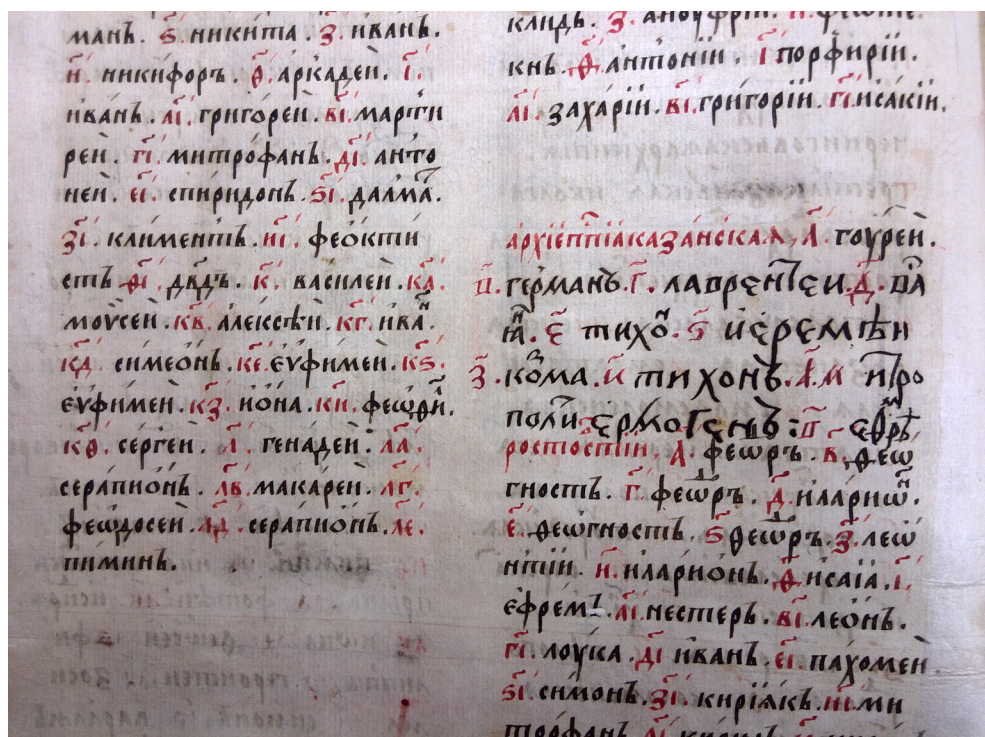
В связи с автографами патриарха хотелось бы обратить внимание еще на одну рукопись. Это известный сборник БАН, 32.14.8, содержащий Патриарший список Никоновской летописи. В данной рукописи есть несколько приписок, выполненных более поздним почерком, чем основной ее текст. Первая расположена на л. 21 об. Писец продолжил список московских митрополитов и патриархов, завершавшийся первоначально именем митрополита Макария, и довел его до имени Гермогена (ил. 7). Имена митрополитов Афанасия, Филиппа, Кирилла, Антония и Дионисия написаны в строке. Патриархи, начиная с Иова, записаны на внешнем поле листа.²⁶ Этот текст повторен во второй приписке, сделанной к списку московских митрополитов и патриархов, читающемуся на л. 44 (ил. 8). Наконец, на л. 44 об. писец вписал казанских владык после архиепископа Гурия и до мит-

²⁶ В БАН, 32.14.8 читается: «19. Афонасие. 20. Филипп. 21. Кирилл. 22. Антоние. 23. Дионисие. Иев. Сей же бе и патриарх первый на Москве поставлен Иеремеем, патриархом Цареградским по совету всех патриарх в лето 7097-го февраля. По нем патриарси Игнатии грек. Ермоген». Далее уже более поздними почерками дописаны имена Филарета, Иоасафа, Иосифа и Никона.

лапверь
енескаа.
саа. Деса
олоцкаа.
поровескаа.
ен. сареска
хомескаа.
с. бѣлого
менескаа.

матѣи. **ка.** кирилъ. **кв.** іѡсѣ.
кт. кирилъ. **ка.** мазнъ. **к.**
бѣ. **с.** **ѡ.** **си.** **ке.** петръ потворѣ
московскій. **кв.** феоноста.
кв. алеисѣи. **кн.** кипріанъ.
ка. пимнъ. **ла.** ипакиѣонки
пріанъ. **ла.** фотѣи. **ав.** испръ.
лг. іѡна. **ла.** деѡсен. **лв.** фи
липпъ. **лс.** героніѣи. **лз.** зоси
ма. **ли.** симонъ. **лѡ.** варіамъ.
м. данилъ. **ма.** іѡсѣ. **мв.**
макаріе. **а.** Фонасѣ. **д.** Филипъ.
ке. **м.** **м.** іанѣоніе. **мз.** дѣѡни
сѣ. **ки.** ісѣѡв. **с.** іѡѣѣи пѣтри
архѣпервый мѣмоскѡвъ. По
сѡлѣнбѣи ерѣмѣѣ пѣтри
рхоцриглицѡ. **Вѣто.** **Зѣз.**
пѡнѣ пѣтриарси. и пѣтѣи,
грѣ. **Ерѣмѣѣнъ.** **Вѣ.** **Зѣз.**
фидарѣ. **иѡсѣ.** **іѡсѣ.**

Ил. 9. БАН. 32.14.8. Л. 44 об.

рополита Ефрема²⁷ (ил. 9). Тот факт, что указанные приписки были выполнены уже после написания основного текста БАН, 32.14.8, был известен еще публикаторам Никоновской летописи.²⁸ Об этом же упоминал А. А. Шахматов.²⁹ Однако автор этих приписок не установлен. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что перечень патриархов доведен дважды до Гермогена. Следовательно, приписки были сделаны в то время, когда святитель возглавлял русскую церковь. Кроме того, дополнены только списки патриархов и казанских митрополитов. Только Гермоген занимал обе эти кафедры. Таким образом, тематически дополнения в БАН, 32.14.8 связаны с именем святителя. Ко всему сказанному следует добавить, что в то

²⁷ В БАН, 32.14.8 читается: «2. Герман 3. Лаврентей. 4. Васьян. 5. Тихон. 6. Иеремей; 7. Козма. 8. Тихон. 1 митрополит Ермоген. 2. Ефрем».

²⁸ ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. XIV. Примеч. I.

²⁹ Шахматов А. А. 1) Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. СПб., 1897. Ч. XXXIII. С. 219; 2) Критический отзыв на соч.: Обзорение летописных сводов Руси северо-восточной И. А. Тихомирова (Отд. оттиск из «Отчета о XL присуждении наград графа Уварова»). СПб., 1899. С. 70.

время данный сборник находился в Патриаршей библиотеке.³⁰ Иначе говоря, во времена, когда Гермоген возглавлял русскую церковь, в одной из рукописей Патриаршей библиотеки были сделаны приписки, связанные с его биографией. Это мог сделать либо человек, приближенный к святителю, либо он сам. Выбрать правильный вариант, не составляет труда, поскольку мы располагаем автографами патриарха.

Почерк, которым выполнены указанные записи в Патриаршем списке, визуально сходен с почерком Гермогена. Особенно близок он к почерку на л. 19–19 об. ГИМ, Син. 982 и рукоприкладству святителя на обороте жалованной несудимой грамоты патриарха Иова архимандриту Цареконстантиновского монастыря Владимирского уезда Рафаилу. Как и эти образцы почерка Гермогена, приписки в Патриаршем сборнике выполнены каллиграфическим почерком. Линии начертаний в БАН, 32.14.8 и в указанных автографах Гермогена жирные. Преобладают извилистые по форме движения. Похожи также способы написания отдельных букв. Графемы «м», «л» и «д» в обоих случаях пишутся схожим образом: первый диагональный стержень сильно уходит в надстрочье. Буква «ѣ» в большинстве случаев пишется с крючком в верхней части. Горизонтальная переключина буквы при этом может находиться как в верхней ее части, так и опускаться к кружку графемы. Некоторые варианты букв «ъ» и «ч» пишутся с вертикальным стержнем в форме дуги либо прямой линии с наклоном вправо. В приписках Патриаршего списка и почерке Гермогена используются сходные декоративные штрихи. Так, в ряде начертаний буквы «е» и «с» в обоих случаях пишутся с дополнительным отростком в верхней части. Таким образом, почерк приписок Патриаршего списка и известные автографы Гермогена совпадают визуально. Кроме того, они сближаются по ряду общих и частных признаков письма. Все эти сходства свидетельствуют о том, что писцом, дополнившим списки патриархов и казанских митрополитов в сборнике БАН, 32.14.8, был сам Гермоген.

³⁰ По обоснованному мнению Б. М. Клосса, сборник БАН, 32.14.8 был написан в кругу митрополита Макария и сразу после создания находился в митрополичьей библиотеке или в митрополичьем Чудове монастыре. В XVII в. он определенно числился в патриаршей книгохранительной палате, о чем свидетельствует Описание патриаршей ризницы 1631 г. (*Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 192–193*). Действительно, в Описи патриаршей ризницы 1631 г. находилась рукопись, по всем особенностям идентичная сборнику БАН, 32.14.8: «62. Книга Летописец большой, писан на олександреиской бумаге, в десть. Почата от начала Русския земли по лето 7064-го году в досках в коже; жуки, плащи выбиваны медяные, а на них подпись немецкая. Застежки меденяы» (Опись патриаршей ризницы 1631 года. М., 1875. С. 105).

82
кѣи пладнмирѣ
дѣроу скоуѣ землю
еніемѣ . раздѣ
и на частн дѣтѣ
поу азѣт пороханѣ
опалася тмоу
идеѣт сн оу спое
авоу . в не н же
дѣе сѣт поренѣ
огіе гдрнхртїа
днмира преже
сроднн кнцрѣнвѣ

+ 7а дн ето
свѣтъ ав
сѣлѣтѣ
ца .

Еще одна глосса Патриаршего списка находится на л. 852. Рядом с текстом «и ту Азторохань тогда именовалася Тмуторокань»³¹ поставлен крестик, а на поле приписано: «Чаяти не так, сыскати в ыных летописцах»³² (ил. 10). Глосса выполнена не таким изящным почерком, как другие приписки Патриаршего списка. Начертания букв неровные. Возможно, это связано с тем, что рассматриваемая приписка написана на внешнем поле листа уже переплетенной объемистой рукописи. Писцу приходилось писать на плоскости, наклоненной вниз. Такое положение было неудобно и могло сказаться на качестве письма. В остальном же почерк, которым выполнена рассматриваемая приписка, сходен с почерком Гермогена. Примечательно, что по содержанию глосса связана с историей Астрахани, а святитель был единственным человеком, который носил титул митрополита Казанского и Астраханского. Если наше предположение верно, то можно видеть, что подход к истории у Гермогена был критический. Он проверял интересующие его сведения по другим летописцам.

Таким образом, патриарх Гермоген написал большую часть рукописи ГИМ, Син. 982. Вместе с ним над манускриптом работали еще два писца. Однако только сам Гермоген вносил редакторские исправления в текст. Кроме того, святитель обращался в своих литературных трудах к рукописям Чудова монастыря, а также патриаршей библиотеки, читал их и делал заметки на полях. Сведения, изложенные в этих рукописях, Гермоген использовал в своей литературной деятельности. Хотелось бы обратить внимание на то, что особый интерес святитель проявлял к произведениям исторического содержания.

³¹ БАН, 32.14.8. Л. 852.

³² Там же.

Я. Г. Солодкин

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАНГАЗЕИ В ИЗОБРАЖЕНИИ
ТОБОЛЬСКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ XVII ВЕКА
(К определению источников сибирского летописного свода)***

Судьбы «златокипящей» Мангазеи, занимающие многих современных археологов и историков, нередко интересовали уже сибирских летописцев XVII в. В их произведениях мы находим, в частности, любопытные, иногда уникальные, данные о появлении русского острога (вскоре ставшего городом) в устье Таза.

Согласно Книге записной (далее — КЗ) — самой ранней из выявленных к настоящему времени редакций Сибирского летописного свода (далее — СЛС), в 7106 г. воевода Ф. Дьяков был послан царем Федором Ивановичем (надо думать, из Москвы) «Мангазейские земли проведать и под государскую высокую руку тамошних людей призвать, и ясак с них собрать»; к воеводе присоединились направленные по царскому указу с той же целью из Тобольска целовальники З. Яковлев и Д. Иванов, и через два года в столицу был привезен первый «мангазейский» ясак.¹ (Данные известия повторены в Ака-

* Исследование осуществлено в рамках выполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

¹ ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 140. Следом ссылки на это издание произведений «группы» Есиповской летописи (далее — ЕЛ) приводятся в тексте статьи.

По мнению В. А. Александрова, Ф. Дьяков был послан правительством Федора Ивановича на Таз, Пур и Енисей, очевидно, со служилыми людьми, в 1598 г. К тому же времени относит первый поход в Мангазею и ряд других историков (Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 17; Перевалов В. А., Эскин Ю. М. Первые воеводы Мангазеи // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С. 295; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI — начало XVII вв.). Тюмень, 2006. С. 64; Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011.

демической редакции свода с пояснением, что З. Яковлев и Д. Иванов — это «купецкие люди» (369)). В 7108 г., и опять-таки по государеву указу, из Тобольска со служилыми людьми, — читаем следом в КЗ, — в Мангазею отправились письменный голова князь М. М. Шаховской, Д. Хрипунов и целовальник торговый человек С. Новоселов² с предписанием «острог поставить и ясак збирать, и быть тамо до указу», и они «первой Мангазейской острог поставили»;³ в следующем году на смену прежним администраторам прибыли князь Василий Михайлов сын Мосальский Кольцов и Влук Остафьев сын

С. 69, и др.). Поскольку «освятованный» самодержец скончался в самом начале 1598 г., скорее, Дьяков отправился в «Мангазейскую землю» в течение нескольких предыдущих месяцев (не ранее сентября).

В Пинежском летописце середины XVII в. сообщается о продолжавшейся два года, начиная с 7105, поездке устьицеца Юрия Долгушина, лавельца Смирного и некоего пана «полоненика» на Надым и Таз (*Копанев А. И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 62, 64, 80; *Белов М. И.* Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Там же. С. 279–285). Получается, Ф. Дьяков со своими спутниками отправился из Тобольска по Оби и Обской губе в нижнее течение реки Таз еще до возвращения оттуда поморов.

Примечательно, что еще в декабре 1597 г. предписывалось в «Верхотурском городе», который тогда лишь закладывался, «для мунгазейского ходу зделати судна» (Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. Вып. 1. М., 1982. С. 14. Ср.: С. 17).

² Считать князя М. М. Шаховского и тем более Д. Хрипунова воеводами (см., например: *Александров В. А.* Русское население Сибири... С. 16, 17) нет каких-либо оснований.

Оригинальные летописные указания на участие торговых людей в первых мангазейских экспедициях косвенно подтверждаются тем, что в конце XVI в. целовальник С. Подошевик посылался для сбора ясака в Большую Конду, а принадлежавшие ранее к московскому посадскому миру Березовские находились в Сибири «у ... царьской казны у денег, и у мяхкие рухляди, ... и у хлебные раздачи» (*Веселовский С. К.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот 1620–1630 гг. в сыскных приказах. М., 1907. С. 17–18; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 364).

³ Как полагал еще Г. Ф. Миллер, возведение Мангазеи князем М. Шаховским и Д. Хрипуновым следует приурочить к 7109 (1600/01) г. (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 304. Примеч. 29).

По словам Д. Я. Резуна, в КЗ основание Мангазеи датируется, исходя из факта «посылки тобольских служилых людей» для ее возведения (*Резун Д. Я.* К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 36). Точнее, летописец сообщает и об отправке туда предводителей экспедиции, а также целовальника. Д. Я. Резун утверждал, что в КЗ постройка Мангазеи датируется 1601 г. (*Резун Д. Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 76). Повторим, что в данной редакции СЛС сооружение Мангазейского острога отнесено к 1599/1600 г., а города — к следующему году.

Пушкин,⁴ которые «по указу государеву первой Мангазейской город ставили» (140, 141).

С точки зрения Д. Я. Резуна, последняя запись относится к сооружению укрепленного воеводского двора, а не острога или города, который Мангазея до 1604–1607 годов не имела.⁵ Однако в КЗ речь явно идет о «поставлении» города взамен «срубленного» накануне острога.⁶

Упомянув об основании в 7108 г. Верхотурья и Туринского острога, тобольский летописец приводит некоторые подробности их возникновения, и лишь затем указывает на отправку тогда же экспедиции в Мангазею, но дату ее сооружения прямо не называет. Возможно,

⁴ Ср.: Разрядная книга 1550–1636 гг. (далее — РК). Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 186. В действительности этим мангазейским воеводой являлся В. М. Рубец Мосальский (73; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 51). Видимо, летописец так назвал его по аналогии с первым воеводой Тобольска князем В. В. Кольцовым-Мосальским. Влук (в Записках, к сибирской истории служащих и Нарышкинской редакции свода Лука) Пушкин — это, вопреки мнению В. И. Корецкого, одно лицо с Савлуком Третьяковым сыном Пушкиным, посланным с В. Мосальским «в Тонбусы», вернее, «Тунгусы» (*Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начало XVII в. М., 1986. С. 244, 250, 258; *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005. С. 336). Тобольский книжник мог посчитать одного из первых «начальных людей» Мангазеи сыном О. М. Пушкина — сослуживца Ф. И. Шереметева в сибирской столице. Так поступили и некоторые исследователи (*Александров В. А.* Русское население Сибири... С. 16, 17; *Корецкий В. И.* История... С. 244; *Перевалов В. А., Эскин Ю. М.* Первые воеводы Мангазеи. С. 296–297; *Коньков Н. Л.* Тобольские воеводы конца XVI — начала XVIII веков. Б. м., 2001. С. 74). На самом деле отца Савлука звали Третьяком или Сергеем. См., например: *Сташевский Е.* Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 1. Отд. I. С. 9, 10, 14, 15, 18, 20; *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604–1617). М., 1912. С. 22; Сборник РИО. Т. 142. М., 1913. С. 77.

Заметим, что в приуроченной В. И. Корецким к 1601 г. «рописи» новых сибирских воевод и голов из Пушкинской разрядной книги (*Корецкий В. И.* История... С. 239–241, 243, 244) администраторами Мангазеи значатся Ф. Булгаков и Н. Елчанинов, назначенные туда, однако, 25 января 1603 г. (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 203. Ср.: 142, 192, 260, 316; РК. Т. 2. Вып. 1. С. 209; Разрядная книга 1475–1605. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 114–115).

⁵ Резун Д. Я. К истории «поставления»... С. 37, и др.

⁶ О мангазейском остроге не раз упоминается в документах самого начала XVII в. (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 388–391, 394; Т. 2. С. 204, 207. Ср.: *Белов М. И.* Пинежский летописец... С. 284; *Резун Д. Я., Васильевский Р. С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 24, 200). Мангазейский же город был построен в 1607 г. См.: *Александров В. А.* Русское население Сибири... С. 67. Примеч. 39; *Белов М. И.* Мангазея. Л., 1969. С. 48–50; *Эскин Ю. М.* Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 46, 50, и др.

сообщение о «поставлении» Мангазейского острога дополнило протограф КЗ.

Указав на «сидение» в Тобольске в 7109 и 7110 годах Ф. И. Шереметева «с товарыщи», «слогатель» этой редакции СЛС перечислил воевод того времени «в городех» Тобольского разряда, причем ошибочно назвал администраторами Тары князя И. В. Кольцова-Мосальского и его сослуживцев, сургутских воевод Ф. В. Волынского и И. В. Благово (под 7107 и 7108 годами), управлявших Березовым в 7108 и 7109 годах князя Ф. Козловского и А. Ширина, первых воевод (без определения хронологии) Нарымского и Кетского острогов.⁷ Это наводит на мысль, что об основании «Мангазейского города» в 7109 г. «списатель» поведал не по «рописи» сибирских «начальных людей», вроде той, которую привел следом (142), а воспользовавшись другим источником (хотя, как обычно считается, князь В. М. Рубец Мосальский и С. Т. Пушкин достроили острог, заложенный их предшественниками, а вовсе не «срубили» город).

«Проведывание» Мангазеи и сооружение там острога отнесено в КЗ к 7106 г., то есть ко времени тобольского воеводства Е. В. Бутурлина, а закладка «Мангазейского города» — к 7109 г., иначе говоря, к началу пребывания в сибирской столице Ф. И. Шереметева. Ручаться за достоверность этих дат, впрочем, не приходится, поскольку в данной редакции свода налицо очевидное стремление приурочить основание первых русских городов в бывших владениях Кучума к периоду «сидения» в Тобольске каждого из воевод рубежа XVI–XVII вв., что породило немало анахронизмов. Тара, например, строилась при князе Ф. М. Лобанове-Ростовском не только в 7102 г. (140), но и, вероятно, осенью следующего, «поставление» Нарымского и Кетского острогов приходится не на 7104 г. (время воеводства князей М. А. Щербатого и М. Волконского), а 7105 и 7109 годы соответственно, «Верхотурский город» «срубили» не в 7108 г., когда Тобольском управлял его первый «разрядный» воевода окольничий С. Ф. Сабуров, а в 7106 г., Томск, причем не острог, а сразу город, был заложен в конце 7112 — начале 7113, а не в 7109 и 7110 годах, при тобольском «градодержателе» Ф. И. Шереметеве. Судя по КЗ, первоначальная судьба Томска оказалась аналогичной Мангазее: вначале, в 7109 г., «проведывал и острог ставил» на реке Томи тобольский сын боярский В. Ф. Тырков,

⁷ См.: *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // *Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее*. Сургут, 2004. С. 23; *Солодкин Я. Г.* Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины — второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011. С. 117, 153. Примеч. 52, и др.

год же спустя воеводы В. В. Волынский и М. И. Новосильцев «первой и город поставили рубленой» (141, ср. 369).

В Миллеровском варианте (далее — М) свода, переходном, по наблюдениям Н. А. Дворецкой, от КЗ к Головинской редакции памятника, повторены известия о целовальниках — участниках первых правительственных экспедиций в Мангазею, но З. Яковлев не называется устюжанином, а также указывается на его смерть в 7108 г., сказано про «посылку» «в Мангазею, в Енисею» из Тобольска с князем М. М. Шаховским и Д. Хрипуновым сына боярского, атаманов и сотни «литвы»,⁸ казаков и стрельцов, дабы «им в Мангазее острог поставить, а в Енисейску самоедь привести к вере»;⁹ кроме того, вслед за Новым летописцем (далее — НЛ), хотя без датировки (явно неверной) говорится о закладке «Мангазейского города» князем В. Рубцом Мосальским (191. Примеч. 14, 17, 19–23).¹⁰ (В «Книге о сибирском взятии», сопутствующей в Миллеровском варианте Есиповской летописи, подобно НЛ упоминается о смерти Ермака на острове (ср. 40, 73, 74, 78, 138);¹¹ видимо, под влиянием этого официального летописца середины царствования Михаила Федоровича в М сообщается о том, что «ратоборный» атаман и его сподвижники струги поставили в проливе («праливе») (189. Примеч. 29, 31–33)¹²).

⁸ Ошибочно, стало быть, мнение Д. Я. Резуна (см.: Очерки по истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 6), будто в сибирских летописях о «литве» не упоминается. О ней, а также служилых «литовского списка», сказано и в ряде других статей КЗ и остальных редакций СЛС. См.: 147, 153, 174, 191, 205, 208, 216, 226, 287, 340, 377. Ср.: 32; Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская) (далее — СЛ). Рязань, 2008. С. 10, 58–59, 98.

⁹ «Мангазея» и «Енисея» считались в начале XVII в. единым краем (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 205–207, 303–304, 387–391, 393–395; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. Вып. 1. С. 14).

¹⁰ Родовое прозвище В. Мосальского, указанное еще в разрядной записи за 1590 г., названо и в одной из глав НЛ, посвященных началу Смуты (ПСРЛ. Т. 14. С. 62; Разрядная книга 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 178, 179). В этом летописце, сложившемся в правительственных кругах в конце патриаршества Филарета, «посылка» воевод в Мангазею приурочена не к 1601 (Резун Д. Я. 1) К истории «поставления»... С. 37; 2) Очерки истории изучения... С. 76), а к зиме 1598/99 г. С. Д. Шереметев, процитировавший известие НЛ о возникновении Мангазеи, ее постройку князем В. Рубцом Мосальским почему-то датировал 1597 г. (Шереметев С. От Углича к морю студеному // Старина и новизна. Кн. 7. СПб., 1904. С. 223, 224).

¹¹ См. также: СЛ. С. 310; Вовина-Лебедева В. Г. 1) Две редакции Нового летописца // ОФР. Вып. 7. М., 2003. С. 131; 2) Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 44. О гибели Ермака «на острове» сказано и в большинстве других списков Головинской редакции, вероятно, вслед за НЛ, к показаниям которого редактор обращался и ранее (181, 185, 189).

¹² Согласно НЛ (см.: ПСРЛ. Т. 14. С. 33–34), в поход, ставший для него последним, Ермак отправился в стругах (ср. 63).

В Головинской редакции, подобно КЗ и М, говорится о «посылке» Ф. Дьякова (Диакова) «проведывать Мангазеи» и об отправке туда сотни служилых, включая атамана (191).

В Нарышкинской редакции несколько иначе, чем в предшествующих, определена цель экспедиции М. М. Шаховского и Д. Хрипунова: построить «остроги и тунгусов и самоедцев»¹³ и остяков привести по их вере к шерти» (259).¹⁴ Очевидно, редактор знал про этнический состав населения «Мангазеи и Енисеи» (ср. 36, 76).

В Томском виде обращает на себя внимание упоминание о том, что Ф. Дьякову не суждено было вернуться из экспедиции в этот чрезвычайно далекий от Москвы край (316). Вероятно, КЗ, где утверждается противоположная версия,¹⁵ «списателю» данной разновидности свода осталась неизвестной.

В Шлецеровской редакции вслед за сообщением о возникновении Мангазеи имеется пространное «этнографическое» дополнение. Редактор, в частности, заметил, что «иноземцы», проживающие по Оби (около Березова), Енисею (возле Енисейска), Лене и Амуру «плотят оклад, и иние дают зверинной ясак», питаются не хлебом, а зверем и рыбой; некоторые из этих «иноземцев» крестились (346).

В Академической редакции повторены сведения редакции Нарышкинской о предыстории Мангазеи, но при этом опущены известия о «поставлении» острога, воеводстве в новом городе В. Мосальского и С. Пушкина, по КЗ говорится о «купецких людях», сопровождавших Ф. Дьякова и письменного голову князя М. Шаховского, и сказано о «принятии», а не призвании, местных жителей «под государеву руку» (369).

Наконец, в продолжении Абрамовского вида ЕЛ («Летописце тоболском»), близком к Нарышкинской редакции, упоминается об осно-

¹³ В Томском виде Нарышкинской и в Шлецеровской редакции свода при этом идет речь «про самоедцов» (316, 346).

¹⁴ См. также: Кузнецов Е. В. Сибирский летописец. Тюмень, 1999. С. 77. Последнее выражение представляет собой стилистический штамп. См., например: 57, 61, 133, 168; СЛ. С. 92; ПСРЛ. Т. 14. С. 57; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 313, 529. Ср.: С. 463, 471; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 106; Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI — XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172, 173, 175; Зуев А., Слугина В. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // РИ. 2015. № 3. С. 38.

Разрядная запись о «посылке» М. Шаховского и Д. Хрипунова в Мангазею в 7107 г. (ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 237), разумеется, не отличается точностью.

¹⁵ Она подтверждается документами кануна и конца Смуты. См.: Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617). С. 17; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 420.

вании в 1600 г. Енисейска (в 1618 г. же, оказывается, на Енисее служили люди «поставили» новый острог) (98).¹⁶

Г. Ф. Миллеру было известно про Енисейский летописец, который охватывал события от похода Ф. Дьякова до закладки Енисейска. Однако, вопреки мнению Д. Я. Резуна,¹⁷ считать это произведение самостоятельным едва ли стоит. Скорее, подобно Березовскому и Нарымскому летописцам, обнаруженным «отцом сибирской истории», оно являлось извлечением из СЛС, где рассказывалось о тех же самых событиях, и возводить к утраченному, видимо, сочинению интересующие нас сведения «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» (далее — «Описание»), думается, опрометчиво. В Мангазейском летописце, о котором тоже знал Г. Ф. Миллер, сообщалось про возведение города в низовьях Таза в 1607 г. воеводой Д. Жеребцовым,¹⁸ но этот летописец (видимо, краткий), опять-таки не сохранившийся до настоящего времени, вряд ли можно включать в круг источников СЛС, где о строительстве Мангазеи в пору воеводства Д. Жеребцова умалчивается (143, 192, 260, 317).

Сообщения первых редакций летописного свода, создававшегося в Тобольске усилиями не одного поколения приказных владычного дома и воеводской палаты, об участии в экспедициях рубежа XVI — XVII вв. в Мангазейскую землю Ф. Дьякова, целовальников З. Яковлева, Д. Иванова, С. Новоселова,¹⁹ а также сотни служилых людей (под предводительством князя М. М. Шаховского и Д. Хрипунова),

¹⁶ В КЗ и остальных редакциях свода основание Енисейского (Тунгусского) острога приурочено к 7125 или двум последующим годам (145, 194, 261, 318, 370). В действительности он был «поставлен» в 1619 г. См., например: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 668; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 25–26.

¹⁷ Резун Д. Я. 1) Анкеты 1760-х гг. как источник по истории городского летописания Сибири конца XVII — начала XVIII в. // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 62, 63; 2) О работе Г. Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 154; 3) Очерки истории изучения... С. 67–68. См. также: Акулич Е. М., Акулич М. М., Гербер Л. П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. Тюмень, 2006. С. 26.

¹⁸ См.: Резун Д. Я. 1) Анкеты... С. 64; 2) Очерки истории изучения... С. 67; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея: Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980. С. 29–30, 56, и др.

¹⁹ Об участии целовальников в сибирских экспедициях, о чем относительно похода князя В. М. Рубца Мосальского и С. Т. Пушкина известно документально (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 395), тобольские летописцы больше не сообщали. В две редакции СЛС, однако, попали сведения о том, что целовальники находились в штате посольства Ф. И. Байкова в Китай в 1654–1658 годах (159, 203. Примеч. 78–82).

«срубивших» острог, «посылке» туда князя В. Мосальского и С. Пушкина с целью возведения города, как представляется, имеют документальную основу, что сближает разбираемые свидетельства с десятками статей «Описания». Так, в отписке властям Казанского приказа тобольских воевод Ф. И. Шереметева и Е. М. Пушкина говорится об отправке ими М. Шаховского и Д. Хрипунова «поставити острог» в устье Таза «для того, чтоб монгазейскую и енисейскую самоедь привести под государеву царскую высокую руку и ясак с них ежегод збирать».²⁰ Считать, что Ф. Ф. Дьяков (входивший в число алексинских детей боярских²¹) имел воеводский чин, как утверждается в КЗ и наиболее близкой к ней из последующих разновидностей СЛС Академической редакции (140, 369), однако, не приходится.

Согласно Головинской и Нарышкинской редакциям, в двух первых русских экспедициях в Мангазею участвовало по сотне служилых людей, о чем сказано и в Шлецеровской и Академической редакциях относительно похода князя М. Шаховского и Д. Хрипунова в низовья Таза (191, 259, 260, 316, 346, 369). Наказ нового сибирского «наместника» Ф. И. Шереметева отправленным туда письменным головам князю В. Рубцу Мосальскому и С. Пушкину позволяет, однако, заключить, что в их распоряжении находились 100 тобольских человек «литвы», казаков и стрельцов — вдвое больше, чем в предыдущей экспедиции, а также 70 (а не 50, как ранее) березовцев и 30 сургутян (сколько последних участвовало в походе 1600 г., неизвестно). Из этих служилых В. Рубцу Мосальскому и С. Пушкину в Мангазее надлежало оставить (что делалось и позднее²²) 50 тоболяков и столько же березовцев.²³ Возможно, на этом основании летописец и рассудил, что для «поставления» и укрепления нового острога (который иногда назвался Мангазейским и Енисейским, Мангазейском и Енисейском) оказалось достаточно сотни служилых.²⁴

²⁰ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. М., 1951. С. 51. Выражение «под государскую высокую руку ... призвать» (ср. 228) ранее и следом в КЗ не встречается.

Заметим, что в источниках не указывается чин, который имел Д. Хрипунов при основании Мангазеи. Вероятно, он, являвшийся в 1602–1603 годах выборным дворянином по Зубцову (см.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. М., 1979. С. 242), до «посылки» к устью Таза служил в Тобольске в казачьих или стрелецких головах.

²¹ См.: АСЗ. Т. 2. М., 1998. С. 139–140; Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец, 2001. С. 46–47. Ср.: С. 54.

²² См., например: Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 69, 116, 117.

Видимо, о начале Мангазеи, как и Березова,²⁵ Пелыма (а также его восстановлении в 1623 г.), Сургута, Тары тобольским «слогателям» было известно по выписке, появившейся до 9 декабря 1628 г., когда горели «дела старые» «в комнате» воеводской палаты сибирской столицы.²⁶ (К справкам такого рода создатель КЗ, например, прибегал неоднократно²⁷). Исключение, возможно, составляют даты «проведывания» Мангазеи и похода в этот край М. Шаховского и Д. Хрипунова. Время первых правительственных экспедиций в «Мангазейскую землю» «слогатель» КЗ предположительно установил са-

²³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 304, 386–389. Ср.: С. 396; Т. 2. С. 203, 204; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века... С. 52. Утверждая, будто в мангазейской экспедиции 1600 г. участвовало 100 тоболяков и 50 березовцев (Буцинский П. Н. К истории Сибири. Тюмень, 2003. С. 286–287; Пузанов В. Д. 1) Военная политика... С. 69; 2) Службы гарнизона Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. 2012. № 1–2 (25–26). С. 191), ученые забывают про сургутян, да и первая из приведенных цифр предположительна (под началом Рубца Мосальского и Пушкина, как и Шаховского с Хрипуновым, должно было находиться по 60 и 40 служилых людей соответственно, но в 1601 г. в распоряжении письменных голов опять-таки находились и казаки из Березова и Сургута). Вспомним и о гибели трех десятков служилых в этом походе — еще до того, как «в Тунгусах» русские сумели добраться до какого-то зимовья, которое затем превратили в острог. К тому же в окружении тобольских воевод Ф. И. Шереметева «с товарищи», где в 1601 г. был составлен наказ, о судьбе предыдущей мангазейской экспедиции знали лишь понаслышке.

²⁴ Кстати, утверждать, что в экспедиции 1601 г. к «Мангазейскому морю» участвовало 300 «ратных людей», в том числе 200 тоболяков (Буцинский П. Н. К истории Сибири. С. 289; Внукова О. В. Формирование первых сибирских гарнизонов в конце XVI — начале XVII веков // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Ч. 1. Нижневартовск, 2002. С. 78; Пузанов В. Д. 1) Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII веке // Северный регион: наука, образование, культура. 2005. № 1 (11). С. 99; 2) Служилый город Березов в XVII в. // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2011. С. 84–85; 3) Военная политика... С. 116, и др.), не приходится.

²⁵ См.: Резун Д. Я. Очерки истории изучения... С. 75, 87; Солодкин Я. Г. О происхождении летописных датировок основания первых русских городов и острогов на северо-западе Сибири // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Материалы II научно-практической конференции. Сургут, 2008. С. 69–70.

²⁶ См.: Первое столетие сибирских городов: XVII век. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7). Новосибирск, 1996. С. 57.

²⁷ См.: Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову... С. 129–131. Заметим, что Савва Есипов, который довел свою «гисторию» до окончательного разгрома Кучума (1598 г.) и его гибели, хотя и обещал рассказать «о поставлении градов в Сибирьстей земли», писал лишь, и то лапидарно, про «создание» Мансуровского городка, Тюмени и Тобольска «пришедшими» «с Руси» воеводами (42, 64–66; ср. 51, 69, 70, 72). Сведениями об основании в конце XVI в. Пелыма, Березова, Сургута, Тары, Верхотурья, Нарымского острога владычный дьяк либо не располагал, либо нашел излишним сообщать о появлении этих крепостей.

мостоятельно, находя, что русские крепости «ставились» при каждом из первых воевод Тобольска (до князя А. В. Голицына), в том числе в пору, когда накануне и с превращением этого города в «стольный» или «начальный» им ведали Е. В. Бутурлин, С. Ф. Сабуров и Ф. И. Шереметев.

Таким образом, посвященные закладке Мангазейского острога, а вскоре и города, известия КЗ, дополненные при возникновении М и Головинской редакции, в дальнейшем подверглись преимущественно лишь стилистической правке. (Следует считаться и с тем, что переписчики указанных разновидностей СЛС допустили ряд неточностей, к примеру, исказили имя сослуживца князя В. М. Рубца Мосальского²⁸). Соответствующие известия «Описания», как и большинство других, восходят к документальным свидетельствам, думается, к составленной в тобольской приказной избе выписке о времени и обстоятельствах строительства первых русских городов и острогов в «Сибирской стране».

²⁸ Это имя, впрочем, не относилось в XVI — начале XVII вв. к числу особо редких. См., например: *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 1: Десятни и Тысячная книга XVI века. М., 1891. С. 344, 400, 449. Ср.: С. 175–177; *Кобеко Д.* Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени // ИРГО. Вып. 3. СПб., 1909. Отд. 1. С. 23; *Мятлев Н.* Десятня Вотской пятины 1605 года // ИРГО. Вып. 4. СПб., 1911. Отд. 3. С. 482; *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 276; Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983. С. 126, 188, 190, 191; *Кистерев С. Н.* 1) Документы частного архива служилых людей первой половины XVII века // АРИ. Вып. 1. М., 1992. С. 118; 2) Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII века // РД. Вып. 6. М., 2000. С. 104; АСЗ. Т. 2. С. 380, 381.

С. Н. Кистерев

ГОСТЬ НАДЕЯ СВЕТЕШНИКОВ В 1612 И 1613 ГОДАХ

Изучение роли отдельных социальных групп в событиях эпохи Смуты начала XVII в. в России подразумевает максимально подробное освещение деятельности, по меньшей мере, наиболее видных их представителей.¹ Разумеется, это относится и к торговым людям гостинной сотни как специфической служилой корпорации, и к более широкому слою посадского населения, из которого по преимуществу эта корпорация формировалась. В связи с этим привлекает к себе внимание фигура ярославца Епифания Надеи Андреевича Светешникова — одной из наиболее заметных фигур среди гостей первой половины XVII столетия.

Предпринимательской деятельности Е. А. Светешникова в свое время много внимания уделил С. В. Бахрушин, но в силу своеобразия имевшихся в его распоряжении источников исследователь пристально изучал период 1632–1646 годов, упомянув лишь, что гость после избрания Михаила Романова на царство стал «торговым агентом нового царя».² Совершенно очевидно, что следует представлять деятельность такого агента более подробно.

Однако такое стремление сразу же наталкивается на отсутствие сведений о Светешникове, относящихся к более раннему, чем весна 1612 г., времени. Остается неизвестным даже его местонахождение,

¹ А. А. Селин отмечает повышенное внимание к изучению персоналий как одну из ведущих тенденций современной историографии Смутного времени начала XVII в. (Селин А. А. Смутное время в историографии последних лет // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. (Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Т. 10). СПб., 2012. С. 255, 260).

² Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Изв. Т. 8. М., 1940. С. 101.

не говоря уже о степени причастности к организации нижегородского ополчения.

В циркуляре Д. М. Пожарского июня 1612 г. сказано: «в Нижнем Новгороде гости и посадские люди и выборный человек Косма Минин, ревнуя пользе, не пощадя своего имения, учали ратных людей сподоблять денежным жалованьем».³ Свидетельство вождя ополчения подкрепляет автор Пискаревского летописца, записавший: «И тот Козма по некоему божию смотрению и по своему умышлению и почал в Новгороде казну збирати з гостей и с торговых людей, и со всяких тамошних житейских людей, хто чего стоен: с ыного рубль, с ыного пять и шесть, с ыного десять и дватцать, и пятьдесят, и сто, и двести, и триста, и пятьсот, и тысячу, и больши».⁴

В более позднее время известно дворовладение Надеи Светешникова в Нижнем Новгороде. Согласно писцовой книге 1620–1622 годов, Епифаний Андреевич владел двором в этом городе, где имели дворы также гости Юрьевы и Иван Твердилов, брат или племянник гостя Григория Твердилова.⁵ Недвижимость эта Светешниковым активно использовалась, по меньшей мере, в период составления писцовой книги. В марте 1622 г. Гаврило Облезов должен был принять в Нижнем у Надеи или его приказчиков 500 рогож соли по местной нижегородской цене, а деньги гость получил бы в Москве, но сделка не состоялась, так как не нашлись вовремя возчики для транспортировки товара.⁶ Однако утверждать, что так же дело обстояло десятью годами ранее, что Надея сколько-нибудь длительное время проводил в волжском городе и даже пребывал там во время сбора нового ополчения и средств для него Козьмой Мининым, оснований не находится.

Документы сохранили более детальные сведения о сборе денег К. Мининым в Нижнем Новгороде. В нижегородской платежнице

³ СГГД. Ч. 2. М., 1819. С. 594. № 281.

⁴ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 217.

⁵ Тимошина Л. А. Расселение гостей, членов гостинной и суконной сотен в русских городах XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 136. Эта же книга упоминает «на берегу ж Оки реки двор с анбаром гостя Надеи Светечникова, а онбар большой, а по скаске те места были тяглые черные, а Надея те два места купил у Любима Шишелова, а оброку и никаких податей с тех мест не платит, а ныне оброк положен против Иванова двора Юрьева по пяти рублей на год, потому что тот Надеин двор и анбар стоит у промыслу на берегу Оки реки» (РИБ. Т. 17. СПб., 1898. С. 167).

⁶ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1622 г. № 35. Л. 126–129. Описание столбца см.: Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — нач. XVII вв. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Кн. 2. СПб., 1999. С. 148–162.

1612 г. записано: «Да в приходе ж неокладных доходов, которые взяты по приговору окольничево и воевод князя Василья Ондреевича Звенигородсково, Ондreja Семеновича Олябьева, да Ивана Ивановича Биркина, да дияка Василья Семенова, да выборного человека Кузьмы Минина, да нижегородцких земских старост и всех нижегородцов посадцких людей ратным людям на жалованье, которые пошли из Нижнего с стольником и воеводою со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским да с выборным человеком с Кузьмою Мининым для московского очищенья, у всяких людей, покаместа нижегородцкие денежные доходы в зборе будут. У Никитиных да у Максимовых людей Строгоновых у Юшки да у Матюшки Петровых взято 3116 рублей. У Григорья Микитникова, что были⁷ у Федора Родяева, 500 рублей. У ярославцев у Василья да у Степана Лыткиных 350 рублей. У Максимовых людей Строгонова у Матвея Петрова с товарищи 1000 рублей. У Сергея Патрушина 100 рублей. У ярославца у Второво Чистово 100 рублей. У москвич у Оникея Порывкина да у Филипа Доцаникова 40 рублей».⁸ Характер записи позволяет считать, что речь идет исключительно об иногородних купцах, в том числе и отсутствующих, за которых действовали их приказчики. Последнее, правда, относится только к Никите и Максиму Строгановым и ярославцу Григорию Никитникову. Все остальные — ярославцы Василий и Степан Лыткины, Второй Чистой и москвичи Аникей Порывкин и Филипп Доцаников — находились в Нижнем и вносили требуемые суммы лично.

О некоторых из перечисленных известно, что они позднее владели недвижимостью в Нижнем Новгороде. Так, о Втором Чистом все та же писцовая книга 1620–1622 годов сообщает: «Подле Степанова Одежина места место анбарное вымелное ярославца Второго Чистого, мерою три сажени с четвертью, оброку платить в земскую избу по четыре алтына по четыре денги, а ныне изоброчен дватцать алтын».⁹ На Нижнем посаде находилось «место анбарное под гостиным обрубом гостя Григорья Микитникова, что было дано на оброк Петрушке Рыжкову да Куземке Майкову, а по мере того места вдоль десять сажен, а поперег от зрубу гостина двора до проезду четыре сажени,

⁷ В первой публикации фрагмента (Оболенский М. А. Выписка из приходной книги Нижегородского уезда о сборе денег на жалованье ратным людям, отправлявшимся с кн. Д. М. Пожарским для освобождения Москвы в 1612 году // *Временник МОИДР*. Кн. 17. М., 1853. Смесь. С. 2) здесь напечатано «был». Проверка показала неточность воспроизведения текста М. А. Оболенским.

⁸ *Веселовский С. Б.* Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. // *Смутное время Московского государства 1604–1613 гг.* Вып. 7. М., 1910. С. 151–152.

⁹ РИБ. Т. 17. С. 269.

а оброку ему платить и с пошлинами по два рубли на год».¹⁰ На Большой Печерской улице стоял «двор с садом москвитина гостинные сотни Оникея Богданова сына Порывкина, а живут в нем люди ево, а наперед того тот двор был нижегородца посадцкого человека Володимера псковитина, а Оникею де тот двор дан за долг, а Оника с того двора никаких податей с посадцкими людьми не дает».¹¹ Однако, как и в случае с Надеей Светешниковым, трудно говорить о длительности владения этими объектами, хотя и сомнительно, чтобы все они приобретались обязательно после 1612 г. По меньшей мере, нахождение этих людей в Нижнем Новгороде со значительными денежными суммами в момент сбора содержания ратным людям заставляет предполагать, что они проживали в собственных дворах.

Поскольку составление записи имело целью перечислить денежные суммы, взятые именно с иногородних жителей, то отсутствие упоминания в ней имени Епифания Светешникова позволяет думать, что его процесс сбора материальных средств для нового ополчения не коснулся, скорее всего, Надеи в тот момент в Нижнем не было и в число обремененных патриотической повинностью купцов он не входил.¹²

¹⁰ РИБ. Т. 17. С. 205.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² А. В. Морохин и А. А. Кузнецов считают, что «большая часть средств на сбор ополчения представляла собой добровольные пожертвования. Одновременно с этим имел место и принудительный заем с богатых торговцев с последующей выплатой из казенных доходов» (Морохин А. В., Кузнецов А. А. К истории формирования нижегородского ополчения 1611–1612 годов // РИ. 2012. № 5. С. 7). О том же и с той же аргументацией писал С. Б. Веселовский (Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 6).

С. Б. Веселовский, вероятно, основывал свой вывод на данных пошлинной книги Печатного приказа, в которой, в частности, отмечено, что 1 марта 1613 г. Григорием Никитниковым была получена адресованная на Двину грамота, предписывавшая выплату ему денег, ранее взятых у него «ратным людем в жалованье» (Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 13). 23 июля 1613 г. «запечатана грамота в Ярославль по челобитью Гаврила Нестерова: велено ему заплатить за сукна, что у него имал князь Дмитрий Пожарской. Пошлин полполтины. Взято» (Там же. С. 261).

В тот же день «запечатана грамота в Ярославль по челобитью ярославцов посадцких людей старосты Василия Лыткина и во всех посадцких людей место: велено им за сукна и за бархаты, и отласы, что имано про государев обиход, давати из ярославских ис таможенных ис кабатцких денег. Пошлин дватцать пять алтын» (Там же. С. 261). 31 июля того же года «запечатана грамота в Ярославль по челобитью сотцкого Первуши Симанова и во всех посадцких людей место: велено им заемные деньги 300 рублей отдать из казны. Пошлин подписных и печатных дватцать пять алтын. Взято» (Там же. С. 278). Расчеты с Лыткиным и Симоновым производились за новые поставки, осуществленные после избрания Михаила Романова на царство.

Некоторые из купцов, способствовавших денежному сбору в пользу ополченцев, видимо, вместе с ними переместились в Ярославль. Грамоту Д. М. Пожарского из Ярославля властям Соли Вычегодской 7 апреля 1612 г. из торговых людей подписали Степан Лыткин, Григорий Никитников, Смирной Бобров, некие Богданец и Нестерко, Надейко Андреев и один из обладателей имени Иван без какого-либо уточнения.¹³ Именно здесь среди деятелей ополчения появляется Надейка Андреев или, иначе, Епифаний Светешников. Вполне вероятно, что до этого он так и оставался в Ярославле или в каком-то ином городе к северу от Москвы.

Перечень подписавших документ Д. М. Пожарского анализировался исследователями, и один из них — М. Б. Булгаков — считает, что преобладание ярославцев в руководящем органе ополчения находит объяснение в месте Ярославля в экономической жизни страны и долей денежных и материальных «вливаний» для поддержки национального движения со стороны торговых людей города.¹⁴ Автор «Повести о победах Московского государства» писал: «Козма же Минин пришед в Ярославль и поиде в земскую избу денежнаго збору и для кормов и запасов ратным людем по его нижегородскому окладу. Ярославцы же, посацкия люди, Григорей Никитин и иныя лутчия люди, послушати его не восхотеша. Он же много тязав их своими доброумными словесы и повеле не в честь взяти их, Григорья Никитина с лутчими людми, и отвести ко князю Димитрею Михайловичу, и повеле животы их напрасно брати. Они же вси, видевше от него велику жестость и свою неправду, ужасни быша, и вся вскоре с покорением приидоша, имение свое принесоша, по его уставу две части в казну ратным людем отдающе, 3-ю же себе оставиша».¹⁵ Инцидент с Никитниковым показывает, что «вливания» осуществлялись под

¹³ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 257. № 203.

См. также: Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 134.

¹⁴ Булгаков М. Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004. С. 77.

¹⁵ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 32. Повесть написана смоленским дворянином во второй половине 20-х годов XVII в., вероятно, в Москве (Енин Г. П. «Повесть о победах Московского государства» — новонайденный памятник древнерусской литературы // Там же. С. 96–99). Возможным автором Повести считался А. Л. Нарышкин (Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 51), однако приведены доводы в пользу авторства Афанасия Деревни Логиновича Вараксина, фигурирующего в «Повести» вследствие искажения переписчиками под именем Афанасия Логиновича Варишкина (Молочников А. М. К вопросу об «Афанасии Варишкине» из «Повести о победах Московского государства» // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 553–556).

серьезным нажимом, почему могли оказывать воздействие на процесс включения торговых людей в состав руководящего органа только при условии выдвижения ими самими такого требования. Что же касается преобладания ярославцев при подписании конкретного документа, то причину этого можно видеть в местонахождении «Совета всей земли» на тот момент. Для торговых людей, не имеющих возможности оставлять свое дело без хозяйского присмотра надолго, участие в Совете было обременительно, почему необходимо подразумевать ротацию в его составе для этой категории членов.¹⁶

Неизвестно, насколько гладко складывались отношения Надеи Светешникова с вождями ополчения. Комментируя данный фрагмент, В. Козляков замечает, что Григорию Никитникову, уже принявшему участие в финансировании ополчения, «изначально было сложно подчиниться нижегородскому мяснику».¹⁷ Трудно судить об особенностях психологического восприятия занявшего высокое положение «нижегородского мясника», однако в социальном плане Григорий Леонтьевич и Кузьма Минин на тот момент не отличались друг от друга, будучи посадскими людьми двух волжских городов.¹⁸

Н. Б. Голикова относила получение Г. Л. Никитниковым чина гостя к 1613 или даже к самому началу следующего года,¹⁹ что не подтверждается документально. Напротив, в июле-октябре 1613 г. вместе с другими гостями и торговыми людьми просто «ярославец»

¹⁶ В изменении представительства торговых людей в организационных структурах Второго ополчения, разумеется, нельзя усмотреть аналогии процессу формирования персонального состава управленческих органов объединенного ополчения князей Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского, по заключению Д. В. Лисейцева, отражавшего результат расстановки военно-политических сил после освобождения Москвы в октябре 1612 г. (*Лисейцев Д. В. «И всякие приказу поставили на Неглимне»: о времени и обстоятельствах оформления правительства «Совета всея земли» // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. Материалы Всероссийской научной конференции. Город Балахна Нижегородской области. 6–7 октября 2011 г. Нижний Новгород, 2012. С. 79–82).*

¹⁷ *Козляков В. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 382.* Некогда популярная версия о происхождении Козьмы Минина из Балахны ныне аргументировано отвергается многими исследователями (*Морохин А. В., Кузнецов А. А. Кузьма Минин: факты и легенды // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. (Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Т. 10). СПб., 2012. С. 207–208).*

¹⁸ Лишь недоразумением можно объяснить присвоение С. Ф. Платоновым звания гостя Григорию Никитникову со ссылкой на циркуляр 7 апреля 1612 г. (*Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 415).*

¹⁹ *Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 87, 91.*

Григорий должен был закупать узорочные товары в Архангельске для царской казны.²⁰ Вероятно, эта служба не осталась не отмеченной правительством, свидетельством чего является запись в Печатном приказе 3 января 1614 г.: «Запечатана грамота жаловальная Григорью Микитникову, велено ему питье про себя держать, пошлин два рубли шеснатцать алтын 4 деньги. Взято».²¹ Следовательно, в 1613 и начале 1614 года Григорий Леонтьевич оставался посадским человеком Ярославля. Возможно, именно натянутые отношения с Кузьмой Мининым или даже руководством ополчения в целом вследствие разногласий по поводу взносов в казну «Совета всей земли» не способствовали повышению социального статуса Никитникова.

Иное дело — Надея Светешников. Ссылаясь на не названный конкретно, как и в случае с Г. Никитниковым, документ, Н. Б. Голикова относил получение Епифанием Андреевичем звания гостя к 1613 г.²² Вызывающие доверие источники свидетельствуют, что уже летом этого года Светешников официально именовался гостем. В расходной книге денежной казны Казенного приказа он упоминается как ярославский гость 17 июля 1613 г.: «Ярославскому гостю Надее Светешникову за постав сукна настрафилю вишневого 23 р.; за 6 поставов настрафильных же, за два зеленых да за 4 лазоревых по 12 р. за постав, итого за 7 поставов 137 р. Куплены в казенной расход. Ценили сукна торговые люди Бажен Кляпушников, Мишка Захаров, Лева Волков».²³ Уточнение, что выплата производилась «ярославскому гостю», говорит лишь о том, что на момент фиксации события в документе Надея не перебрался из относительно благополучного Ярославля в разоренную Москву и приказные таким способом обозначили место его действительного жительства.²⁴

²⁰ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 179. № 65. Необходимо учитывать, что эти закупки производились за счет купцов, с которыми казна расплачивалась значительно позднее (Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). С. 261, 278; Булгаков М. Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. С. 24). Разумеется, такой отложенный платеж должен был составлять серьезное дополнительное бремя для призванного к службе купечества.

²¹ РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 2. Л. 160 об.

²² Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 88, 91. Т. Б. Соловьева и Т. А. Лаптева отодвинули это событие к 1614 г. (Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Сборник документов. Т. 1. М., 2004. С. 457).

²³ РИБ. Т. 9. СПб., 1875. С. 2.

²⁴ О. Г. Шаброва писала: «Несмотря на близость к посадской общине по ряду занятий и происхождению, членов торговых корпораций следует рассматривать как особую сословную группу в структуре городского населения. Участие привилегированных купцов в жизни города ограничивалось экономической сферой. Ведущей тенденцией в развитии этой категории городского населения было обособление

Поскольку чин мог быть пожалован только новым монархом, то обладавший им 17 июля 1613 г. Епифаний Андреевич получил его не ранее 2 мая того же года, когда Михаил Федорович въехал в свою столицу. Находившийся в то время в Москве Константин Смирной Никитич Судовщиков, присутствовавший на избирательном соборе как выборный человек от Калуги и в этом качестве подписавший грамоту об избрании царя,²⁵ уже во второй декаде мая был пожалован высоким званием.²⁶ Приложения руки Надеи Светешникова, как, впрочем, и иных действительных или будущих гостей, на той же грамоте нет, что, по мнению Н. Б. Голиковой, объясняется их отбытием из Москвы ко времени сбора подписей.²⁷

В историографии, посвященной земскому собору 1613 г., избравшему Михаила Романова на Российское царство, и зафиксировавшей этот акт утвержденной грамоте, нет согласия по вопросу о времени собирания подписей на столь важном документе. С. Ф. Платонов в свое время обращал внимание на то, что поставившие свои автографы князья Д. М. Пожарский, И. Б. Черкасский и И. Н. Одоевский и не обладавший таким титулом Б. М. Салтыков выступали уже в боярском чине, хотя первые двое получили таковой лишь 11 июля, а вторые — даже 6 декабря 1613 г. «Таким образом, — писал историк, — у нас не может быть уверенности, что в рукоприкладствах участвовала действительно та среда, которая выбирала царя в феврале 1613 года».²⁸ А. В. Беляков, проанализировав наличие татарских подписей на грамоте, заметил, что все четыре подписанта находились в Москве в период между 15 апреля и 3 июля 1613 г.²⁹

от остальной массы горожан, отрыв от интересов городского демоса» (*Шаброва О. Г. Ярославль в системе торговых отношений Русского государства в XVII веке (к проблеме формирования всероссийского рынка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. С. 14–15*). Было бы интересно представлять, насколько быстро определение посадского, хотя бы и ярославца Светешникова, в гости сказывалось на его отрешении от местного мира и не имели ли он и ему подобные рычагов влияния на посадскую общину, состоя в «торговой корпорации».

²⁵ СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 203. С. 640.

²⁶ Подробнее см.: *Кистерев С. Н.* 1) Патриарх Гермоген и купцы Судовщиковы // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 4. М.; СПб., 2014. С. 36–51; 2) Дело об откупе астраханского рыбного промысла гостем Назарием Чистым в 1628 г. // ОФР. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 193.

²⁷ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 90.

²⁸ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 424.

²⁹ *Беляков А. В.* Участие служилых иноземцев в избрании на царство Михаила Романова // Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI — середина XVII вв. Международная научная конференция 7–10 октября 2013 г. Тезисы докладов. М., 2013. С. 21.

А. П. Павлов утверждает, что «подписи стали собирать только на последнем этапе деятельности земского собора — в мае-июле 1613 г., когда значительная часть участников февральских заседаний собора, на которых состоялось избрание царя Михаила, разъехалась из Москвы, а вместо них в Москве находились уже другие лица. Кроме того, некоторая часть подписей думных людей, московских чинов и дьяков была поставлена после 1613 г.».³⁰

Поскольку Смирной Судовщиков подписал документ в своем старом статусе, то начало сбора автографов следует относить к самым первым числам мая, когда пожалование его новым чином еще не состоялось. Следовательно, уже в это время гости и видные деятели «Совета всей земли» из числа торговых людей в столице отсутствовали, а среди них и Надея Светешников. Тем самым, относить присвоение ему чина гостя к маю 1613 г. не приходится. Видимо, это случилось несколько позже, возможно, после коронации Михаила Федоровича, имевшей место 11 июля, почему уже спустя только шесть дней Епифаний Андреевич, лично принимая деньги за поставленные в Казенный приказ ткани, именовался гостем.

Будучи причисленным к избранным из среды промышленников и торговых людей, Епифаний Андреевич в своих челобитных на государево имя уже имел право называть себя не «сиротой», как то было принято для крестьян и посадских людей, а царским холопом — наравне с дворянами, что подчеркивало его служилый статус.³¹ Именно так именовал себя Светешников в документах осенью 1613 г., тогда как в официальной приказной документации, в частности — расходной и приходной книгах Казенного двора 1613/14 г., его писали гостем.

³⁰ Павлов А. П. К вопросу о характере представительства на земском соборе 1613 г. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 3. СПб., 2012. С. 446. О хронологии проставления автографов на подлинных экземплярах грамоты см.: Павлов А. П. К вопросу о датировке подписей под утвержденной грамотой 1613 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. История. Вып. 2. С. 51–61.

³¹ М. М. Богословский писал о торговых людях: «Получая звание гостей или гостиной сотни, они переставали быть черными, становились служилыми людьми, в знак чего именовали себя в челобитных царю уже не сиротами государя, как назывались крестьяне и рядовые посадские люди, а холопами, как именовались дворяне» (Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 104). На способ самоопределения обращал внимание А. Л. Станиславский, писавший: «Заметим, что право именоваться государевыми холопами было привилегией дворян и других служилых людей, а лишенные этого права посадские люди и крестьяне называли себя государевыми сиротами» (Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 11).

В расходной книге имя Надеи упоминается уже 4 сентября в связи с выплатой ему денег за купленные для царицы ткани, а для царской мастерской — шелк.³²

Первая запись в приходной книге, отражающая деятельность Надеи Светешникова, датирована 16 сентября, когда «по отписке гостя Надеи Светешникова да таможенных голов Ивана Чистово да Микифора Федорова» было принято у ярославского недельщика Ивана Трофимова купленных в Ярославле товаров:³³

- 1) 20 аршин зеленого атласа по 20 алтын за аршин, всего на 12 р.;
- 2) 17,5 камки кармазина мелкотравной по 30 а., всего на 15 р. 25 а.;
- 3) 16,75 аршин камки адамашки лазоревой по 24 а., всего на 12 р. 2 а.;
- 4) 18 аршин камки адамашки таусинной мелкотравной по 23 а. 2 д., всего на 12 р. 20 а.;
- 5) 10 аршин камки адамашки лазоревой по 23 а. 2 д., всего на 7 р.;
- 6) 29 аршин камки адамашки белой по 26 а. 4 д., всего на 23 р. 6 а. 2 д.;
- 7) 10 аршин камки куфтеру багровой по 1 р., всего на 10 р.;
- 8) 18 аршин камки адамашки лазоревой большого узора по 24 а., всего на 12 р. 32 а.,³⁴
- 9) 10 аршин камки адамашки червчатой по 26 а. 4 д., всего на 8 р.;
- 10) 15 аршин камки адамашки желтой по 24 а., всего на 10 р. 26 а. 4 д.;
- 11) 20 аршин камки куфтеру червчатой по 42 а., всего на 25 р. 6 а. 4 д.;
- 12) 20 аршин камки кармазина червчатой по 1 р., всего на 20 р.;
- 13) 10 аршин атласа цветного по 0,5 р., всего на 5 р.;
- 14) 9 аршин камки еской зеленой по 26 а. 4 д., всего на 7 р. 6 а. 4 д.;
- 15) 28,5 аршин атласа червчатого по 1 р. 10 а., всего на 37 р. // 10 д.;
- 16) 2 литры золота по 6 р., всего на 12 р.;
- 17) 8,5 аршина кутни гвоздичной на 60 а.;
- 18) 4 литры шелка бурского и 1 литра белого шемарханского рудожелтого алого на 17 р.;
- 19) 9 аршин миткалей на 40 а.;
- 20) сафьян желтый на 60 а.;
- 21) 5 аршин тафты венецейки червчатой по 26 а. 4 д., всего на 4 р.;
- 22) 3 литры золота и литра серебра по 5,5 р., всего на 22,5 р.,³⁵
- 23) 6 аршин 6 вершков камки кармазина червчатой мелкотравной по 1 р. 8 а. 2 д., всего на 7 р. 32 а. 2 д.

³² Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 г. Вып. 1. М., 1877. С. 65.

³³ Прежде чем рассматривать произведенные Надеей Светешниковым закупки, следует оговорить, что публикаторами приходной книги Казенного приказа допущены многочисленные погрешности при воспроизведении ее текста, в том числе и в количественных показателях. Данное обстоятельство вынудило произвести дополнительную сверку опубликованного материала с подлинником, чтобы оперировать точными данными, содержащимися в документе. В дальнейшем исправления к тексту публикации отмечены подчеркиванием.

³⁴ В ркп. первоначально читалось: дватцать девять алтын 2 деньги. Число алтын было исправлено, но упоминание о двух деньгах осталось.

³⁵ Истинная сумма: 22 рубля.

24) 8 мешин белых на 40 а.

Всего товара на 288 р. 6 а. 3,5 д.³⁶

Сохранилась посланная в Москву с недельщиком Иваном Трофимовым отписка Надеи Светешникова, в которой приведена подробная роспись купленным для казенных нужд и отправленным в столицу припасам, причем с указанием имен торговцев, у которых приобретен тот или иной товар.³⁷ К сожалению, документ не несет на себе обозначений, позволяющих судить о дате его составления или, хотя бы, подачи в московский приказ. Однако сравнение его содержания с данными приходной книги Казенного двора показывает, что означенные в приказном документе позиции 1–3 были обеспечены закупкой у Богдана Хохликова, 4–5 — Сергея Малафеева; 6 — Андрея Юдина, 7–10 — Якова Исакова, 11 — Андрея Бука, 12 — Малафея Филиппова, 13 — Василия Лыткина, 14 — Ивана Голякова, 15–16 — Федора Федорова, 17 — Григория Ростовца, 18 — Владимира Семёнова, 19–20 — Григория Никитникова, 21–22 — Дружины Назарьева, 23 — Макара Богданова, тогда как статья 24 оказалась не означенной.

Следовательно, перечисленные в приходной книге и отписке Светешникова ткани и прочие товары были куплены гостем не позднее первых чисел сентября, а сама отписка составлена несколькими днями ранее 16 сентября 1613 г. Отсюда появляется возможность полагать, что, получив 17 июля того же года причитающееся ему возмещение за приобретенные для казны товары, Епифаний Андреевич отбыл в Ярославль для продолжения своей деятельности как казенного торгового агента.

Этим делом Надея Светешников занимался весьма активно. Уже под 23 сентября 1613 г. в приходной книге Казенного двора читается очередная запись о получении от него закупленных для государева обихода тканей и некоторых мелочей: «у постелничево и намесника трети московские у Костентина Ивановича Михалкова в государеву казну на Казенной двор дияк Ждан Шипов по росписи за приписью гостя Надеи Светешникова, что он прислал из Ярославля своей покупки, взял».³⁸ 23 сентября 1613 г. в Москве от Епифания Андреевича было получено:

1) 55,5 аршина камки куфтерю червчатой по 1 р. 6 а. 4 д., всего на 66 р. 20 а.;

2) 20 аршин камки кармазина червчатой по 1 р., всего на 20 р.;

3) 9 аршин камки еской белой по 22 а., всего на 5 р. 31 а. 2 д.;

³⁶ РИБ. Т. 9. С. 21–22.

³⁷ Сборник князя Хилкова. № 67,2. С. 184–187. = РНБ. ОСАГ. Оп. 2. № 26.

³⁸ РИБ. Т. 9. С. 22.

- 4) 68,75 аршин камки еской двоеличной желтого и зеленого шелка, по 24 а. 1 д., всего на 49 р. 28 а. 1 д.;
- 5) 60,5 аршин камки адамашки желтой по 26 а., всего на 57 р. 32 а.;
- 6) 60,5 аршин камки куфтеру лазоревой по 1 р., всего на 60,5 р.;
- 7) 20,25 аршин бархата таусинного по 1 р. 3 а. 2 д., всего на 22 р. 9 а. 1 д.;
- 8) 25 аршин камки адамашки лазоревой и 70 аршин камки адамашки таусинной по 23 а. 2 д., всего на 66,5 р.;
- 9) 30 аршин камки кармазина червчатой по 1 р., всего на 30 р.;
- 10) 15,25 аршин камки адамашки червчатой по 26 а. 4 д., всего на 12 р. 6 а. 4 д.;
- 11) 22,25 аршина камки адамашки лазоревой по 24 а., всего на 16 р. 4 д.;
- 12) 15 аршин атласа червчатого по 40 а., всего на 18 р.;
- 13) 12 аршин атласа зеленого по 20 а., всего на 7 р. 6 а. 4 д.;
- 14) 60,25 аршин камки куфтеру червчатой по 42 а., всего на 72 р. 10 а.;
- 15) 33,5 аршина тафты венецейки белой по 23 а. 2 д., всего на 23 р. 15 а.;
- 16) 30 аршин тафты венецейки двоеличной, 21 аршин тафты виницейки зеленой, 33 аршина тафты виницейки желтой, 28 аршин тафты венецейки лазоревой по 23 а. 2 д., всего на 78 р. 13 а. 2 д.;³⁹
- 17) 9 аршин камки адамашки белой по 22 а., всего на 5 р. 31 а. 2 д.;
- 18) 19 аршин камки куфтеру лазоревой по 1 р., всего на 19 р.;
- 19) 3 юфти сафьянов желтых и червчатых на 12,5 р.;
- 20) душка лисья черная 2 р.;
- 21) 27 фунтов сахара леденца по 10 а. 5 д., всего на 8 р. 25 а. 5 д.
- Всего на 655 р. 13 а. 2 д.⁴⁰

Перечисленные товары, поступив на Казенный двор 23 сентября, были посланы из Ярославля самостоятельной партией, и известен документ, отражающий их отправку в Москву, — «роспись, что повезено государю ... камок и тафт и отласов». ⁴¹ Хотя «роспись» не содержит указаний на личность торговца, приобретавшего для казны товары, сравнение ее данных с записью в приходной книге показывает, что при публикации она была верно отнесена к документам, отражающим деятельность Надеи Светешникова. Оказывается, что отмеченные в приходной книге позиции 1–7 соотносятся с покупкой у Дружины Назарьева, 8 — у ярославца Сергея Малафеева, 9 — у Малафея Филиппова, 10–11 — у москвитина Якова Тверитина, 12–13 — у ярославца Богдана Хохликова, 14–15 — у московского немчина Индрика Бука, 16–17 — у ярославца Ивана Богдановича Шапошникова, 18 — у москвитина Якова Горбова, 19 — у ярославца Ивана Якимова сына, 20 и, возможно, 21 — у ярославца Якова Чемодура. Все это указывает на время создания «росписи» ранее 23 сентября 1613 г., но позднее написания отписки, доставленной в приказ недельщиком Иваном Тимофеевым.

³⁹ Подчеркнутых фрагментов в публикации нет. Денежный итог верен, соответствует полной записи без пропуска.

⁴⁰ РИБ. Т. 9. С. 22–23.

⁴¹ Сборник князя Хилкова. № 67,3. С. 187–188. = РНБ. ОСАГ. Оп. 2. № 27.

Менее, чем через месяц, на Казенном дворе была принята очередная партия товаров, присланных Надеи Светешниковым. 19 октября⁴² 1613 г. было взято «по отписке и по росписи из Ярославля гостя Надеи Светешникова в государеву казну на Казенной у москвитина у торгового человека у Власа Чернцова его, Надеины, покупки»:

- 1) 46,5 аршин бархата червчатого гладкого по 1,5 р.,⁴³ всего на 69 р. 25 а.;
 - 2) 46⁴⁴ аршин бархата черного гладкого по 1,5 р., всего на 69 р.;
 - 3) 57,5 аршин камки адамашки червчатой по 26 а. 4 д., всего на 46 р.;
 - 4) 56,5 аршин камки адамашки лазоревой по 25 а., всего на 42 р. 12 а.;
 - 5) 93,25 аршина камки куфтеру червчатой по 1 р. 6 а. 4 д., всего на 111 р. 30 а.;
 - 6) 28 аршин камки адамашки лазоревой, 20 аршин камки адамашки желтой по 26 а. 4 д., всего на 38 р. 20 а.;
 - 7) 12 аршин 3 вершка камки кармазина по 1 р., всего на 12 р. 6 а. пол-2 д.;
 - 8) цки бельи хребтовые на 3 р.;
 - 9) двои цки хребты бельи на 5,5 р.; //
 - 10) двои цки хребты бельи на 4 р. 25 а.;
 - 11) мухояр черный на 3 р. 10 а.;
 - 12) 3200 белки по 12,5 р. за тысячу «и в том числе нет ста белок»;⁴⁵
 - 13) лисица черная за 10 р.;
 - 14) лисица за 8 р.;
 - 15) лисица за 6,5 р.;
 - 16) 2 лисицы по 5 р.;
 - 17) лисица за 6,5 р.;⁴⁶
 - 18) 2 лисицы по 5,5 р.;
 - 19) лисица за 4,5 р.;
 - 20) лисица за 3,5 р.;
 - 21) лисица за 3,5 р.;
 - 22) лисица за 2,5 р.;
 - 23) лисица за 2 р.
- Всего на 496 р. 19 а. 6 д.⁴⁷

Привоз в Москву товаров Власом Нестеровичем Чернцовым отражен в отписке Надеи Светешникова, имеющей отметку о получении ее в приказе 19 октября и предписание о передаче имущества на Казенный двор.⁴⁸ Однако в тексте этого документа приведен несколько меньший ассортимент, чем записано в приходной книге. Согласно

⁴² В публикации неверно указана дата «17 октября».

⁴³ В отписке: полтора рубля с гривною.

⁴⁴ В отписке: 46 аршин 2 четверти.

⁴⁵ Помета о недостатке сотни белок написана на правом поле иным почерком.

⁴⁶ Позиций 16 и 17 в рукописи нет.

⁴⁷ РИБ. Т. 9. С. 23–24.

⁴⁸ Сборник князя Хилкова. № 67,1. С. 183–184. = РНБ. ОСАГ. Оп. 2. № 18. Влас Нестеров торговал в Сурожском ряду, как отмечено в записи в расходной книге Казенного приказа 10 сентября 1613 г. (Викторов А. Описание записных книг... Вып. 1. С. 66).

отписке и приложенной к ней росписи, указанные на Казенном дворе в приходе позиции 1–4 стали следствием закупки у москвитина Родиона Семенова, 5 — у москвитина же Филиппа Иванова сына Огородника, 6–7 — у ярославца Максима Иванова сына Лаптева, 8 — у москвитина Андрея Скорняка, 9 — у некоего Бажена Скорняка, 10 — у Владимира Скорняка из Ярославля, 11 — у москвитина Федора Палагина, а 12 — у ярославца Григория Ростовца. Помимо перечисленного, роспись при отписке упоминает восемь белых мешин ценой в 40 алтын, не записанных в приходной книге. Зато последняя содержит перечень лисьих мехов, всего 10 шкур, по цене от 2 до 10 рублей за штуку, хотя в полученной 19 октября с Власом Нестеровым росписи они не указаны как посланные Надеей Светешниковым.

Однако Влас Чернцов 19 октября привез не только ткани и белок. Сохранилась еще одна отписка, на которой имеются помета о приеме ее в приказе 19 октября 1613 г. из рук Власа Нестерова и распоряжение о передаче на Казенный двор. В ней Епифаний Андреевич и ярославский таможенный голова Матвей Исаков сообщали, что, получив распоряжение о закупке шестнадцати «лисиц черных» «для крымские посылки», они смогли приобрести только десять шкур, которые и поспешили переправить в столицу. К отписке была приложена роспись лисьих мехов с указанием имени продавца — ярославца Дружины Григорьева — и цены каждого меха.⁴⁹ Оказывается, что все упомянутые в записи приходной книги как полученные от Надеи Светешникова лисицы, указанные в позициях 13–15 и 18–23, были куплены у Дружины Григорьева.⁵⁰ Тем самым, в записи в приказной книге под 19 октября совмещены поступления двух партий товаров от одного и того же поставщика в один и тот же день. Что же касается недостатка в закупке лисиц — десять вместо шестнадцати, то гость не мог совершить невозможное и найти на скудном рынке то, чего на нем не было.

Следует учесть, что лисьи меха, как следует из публикуемого ниже документа, предназначались для отправки в качестве поминков

⁴⁹ РНБ. ОСаГ. Оп. 2. № 17. Л. 1–2.

⁵⁰ Закупками мехов для казны занимались и другие торговцы. Так, в октябре 1613 г. с Двины Григорий Акинфиев и Андрей Подлесов писали о приобретении ими двух чернобурых лисиц за 13 и 9 рублей по оценке торговых людей москвичей Григория Цыбина, Кондратия Подошевникова, Саввы Рудникова, Афанасия Левашова, вологжанина Никиты Неклюдова, холмогорцев Федора Мельцова, Иева Филиппова, Посника Полянского и Андрея Фонякова (Сборник князя Хилкова. С. 182. № 66). Отписка получена в приказе 19 октября, но в приходной книге Казенного двора записи о получении этих мехов нет.

в Крым и должны были стать частью снаряжения посольства А. Лодыженского и дьяка П. Данилова, отъезд которого должен был состояться именно в октябре 1613 г. Упомянутая в Описи архива Посольского приказа 1626 г.⁵¹ книга, содержащая в себе материалы посольства А. Лодыженского и П. Данилова, утрачена.⁵² Материалы миссии частично сохранились в столбцовом производстве.⁵³ Посольство А. Лодыженского и П. Данилова было частью сложных дипломатических переговоров в треугольнике Москва — Стамбул — Бахчисарай, с русской стороны имевших целью заключение союза против Речи Посполитой.⁵⁴ Любая задержка с отправкой посольства была недопустима, почему и доставка затребованных лисиц представлялась неотложной.

Вероятно, получив спешный запрос из Москвы, Надея Светешников и таможенный голова Матвей Исаков приложили максимум усилий для разыскания лисьих мехов и спешно отправили то их количество, какое удалось раздобыть, присовокупив к ним и иные товары, закупленные для царской казны. Как бы то ни было, очередное поручение Надеей Светешниковым было в меру его сил успешно выполнено.

И в дальнейшем Епифаний Андреевич продолжал исполнять возложенные на него обязанности по приобретению потребного царской казне. Так, в той же приходной книге Казенного приказа 1613/14 г. записано: «Ноября в 28 день. По отписке и по росписи из Ярославля гостя Надеи Светешникова, у гостя у Максима Твердикова взято:

⁵¹ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 224. Необходимо учитывать справедливое замечание В. А. Кучкина, что создаваемая по указу от 25 декабря 1626 г. Опись могла быть составлена только в следующем, 1627 г. (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 119. Примеч. 3). Именно этим годом датировал Опись и С. А. Белокуров (Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 74). Сохраняем ее название, лишь следуя историографической традиции.

⁵² *Рогожин Н. М.* Посольский приказ. Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 243. Общий перечень посольских книг по сношениям с Крымом см.: *Рогожин Н. Н.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.). М., 1990. С. 150–165.

⁵³ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1613 г. № 1: «1613 октября 24 — 22 августа 1614. Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амвросию Лодыженскому и подьячему Петру Данилову с объявлением о избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. Тут же отписка их и статейный список бытности их, посланников, в Крыму» (*Бантыш-Каменский Н. Н.* Реестр делам крымского двора с 1474 по 1779 года. Симферополь, 1893. С. 49).

⁵⁴ *Флоря Б. Н.* Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Посполитая // Советское славяноведение. 1982. № 1. С. 48–52.

лисица чорна 6 р. с четью, лисица чорна 6 р., 8 лисиц бурых 26 р. с полтиною, 2 недолиси 2 р. с полтиною; всего 41 руб. 8 ал. 2 д.».⁵⁵ Весьма крупная партия товаров была принята в казенное хранилище и 28 декабря 1613 г.⁵⁶

Рассмотренные документы дают основание полагать, что, получив 17 июля деньги за сданные в казну сукна, Светешников на протяжении всей второй половины 1613 г. пребывал в своем родном городе, стараясь оправдать пожалованное ему звание гостя успешным выполнением поручений Казенного приказа, точнее — дьяка Ждана Шипова. То, что Надея Андреевич нес государеву службу именно в Ярославле, разумеется, существенным образом облегчало ему выполнение присылаемых из Москвы заданий. Знание реальной обстановки и, самое главное, местного рынка позволяло использовать свои давно сложившиеся деловые связи. Росписи закупок товаров, приложенные к его отпискам, показывают, что в основном его поставщиками выступали ярославцы и москвичи и лишь один раз — тверитин. Ярославль как ключевой транспортный узел притягивал иногородное, прежде всего — московское, купечество, что и объясняет значительную долю столичных жителей среди продавших свои товары Светешникову. Естественно, что они летом и осенью 1613 г. не спешили возвращаться в разоренную столицу.

**Поставщики товаров, закупленных Е. А. Светешниковым
для Казенного приказа в сентябре-октябре 1613 г.**

№	Имя	Место жительства	Доставка товара в Казенный приказ		
			16 сентября	23 сентября	19 октября
1	Хохликов Богдан	Ярославль	+	+	
2	Сергей Малафеев	Ярославль	+	+	
3	Юдин Андрей	Москва	+		
4	Яков Исаков	Тверь	+		
5	Бук Андрей (Индрик)	Москва	+	+	
6	Малафей Филиппов	Ярославль	+	+	
7	Лыткин Василий	Ярославль	+		
8	Голяков Иван	Ярославль	+		
9	Федор Федоров	Ярославль	+		
10	Григорий Ростовец	Ярославль	+		+
11	Владимир Семенов	Москва	+		
12	Никитников Григорий Леонтьевич	Ярославль	+		
13	Дружина Назарьев	Ярославль	+	+	
14	Макар Богданов	Ярославль	+		
15	Яков Тверитин	Москва		+	
16	Шапошников Иван Богданович	Ярославль		+	

⁵⁵ РИБ. Т. 9. С. 25.

⁵⁶ Там же. С. 27–29.

№	Имя	Место жительства	Доставка товара в Казенный приказ		
			16 сентября	23 сентября	19 октября
17	Горбов Яков	Москва		+	
18	Иван Якимов	Ярославль		+	
19	Яков Чемодур	Ярославль		+	
20	Родион Семенов	Москва			+
21	Огородников Филиппа Иванович	Москва			+
22	Лаптев Максим Иванович	Ярославль			+
23	Андрей Скорняк	Москва			+
24	Бажен Скорняк	—			+
25	Владимир Скорняк	Ярославль			+
26	Федор Палагин	Москва			+

Произведение закупок у без малого трех десятков продавцов указывает на отсутствие оказания предпочтения кому-либо из них с целью предоставить возможность получения торговой прибыли за счет царской казны. По-видимому, на рынке ощущался серьезный дефицит товаров и покупалось у того, у кого товар имелся в наличии на данный момент. Нельзя не заметить, что сами товарные партии были крайне незначительны, учитывая статус и потребности московского заказчика. К сожалению, отсутствие сведений о получаемых Светешниковым инструкциях из Москвы лишают возможности судить, насколько ограниченность объемов закупок диктовалась его инициативой или требованиями Казенного приказа.

Старания Надеи Андреевича, исполнявшего свой служебный долг, не остались невознагражденными. 9 января 1614 г. была «запечатана грамота жаловальная кормленою красною печатью дияка Ждана Шипова з детьми — 2 сына да гостей Максима Твердикова да Надеи Светешникова, да ярославцов торговых людей Павла Светешникова да Кузьмы Борисова: велено им в Костромском уезде у Соли Большие варницы застроить собою, а лготы им дано на 10 лет. Пошлин довелось 17 рубли 16 алтын 4 деньги. И по государеву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имянному приказу тех пошлин не взято».⁵⁷ В это время Епифаний Андреевич находился в Москве. В расходной книге Казенного приказа отмечена выплата ему 8 января 1614 г. денег за очередные товары для царского обихода.⁵⁸ Скорее всего, это был расчет за принятое на Казенном дворе еще 28 декабря. Следовательно, у Надеи было время похлопотать об устройстве дела, хотя в этом, вероятно, и не было большой нужды, если учитывать положение некоторых из его компаньонов.

⁵⁷ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). С. 340.

⁵⁸ Виктор А. Описание записных книг... Вып. 1. С. 68.

Естественно, что основная забота по обеспечению решения о предоставлении права на устройство промысла и определение льготных лет лежала на Ждане Шипове, ставшем дьяком совсем недавно. Сохранившие сведения с 21 мая по 12 июля 1613 г. книги по городу Калуге о сборе 1000 рублей с калужских жителей для выплаты жалованья собранным в Можайске служилым людям содержат запись: «Лета 7121-го мая в 21 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси наказу Моисей Федорович Глебов да диак Семен Самсонов, да Ждан Шипов, приехав, говорили в Колуге гостю Смирному Судовщикову и колужским посацкому старосте, и сотникам, и целовальником, и посацким лутчим, и середним, и молотчим людем всем вслух».⁵⁹ В этом документе Фрол Михайлович, как звучало полное крестильное имя Шипова, упомянут без обозначения социального статуса, но явно не причисляется к дьякам. 6 марта 1613 г. были скреплены печатями две грамоты в Нижний Новгород по челобитным гостя Максима Твердикова и гостиной сотни Ждана Шипова, Андрея и Федота Котовых, содержавшие распоряжение воеводе князю Звенигородскому не высылать челобитчиков к Москве «до весны».⁶⁰ Следовательно, весной 1613 г. Ждан Михайлович числился среди торговых людей гостиной сотни.⁶¹

У Н. Б. Голиковой ошибочно указано, что Ф. М. Шипов фигурирует как человек гостиной сотни на протяжении 1613–1621 годов.⁶²

⁵⁹ *Корецкий В. И.* Новый документ по истории русского города времени Крестьянской войны и польско-шведской интервенции // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 320.

⁶⁰ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). С. 20. Имя воеводы — Василий Васильевич — в публикации пропущено без оговорки, но названо в Указателе).

⁶¹ Позднее происхождение из среды пусть служилых придворных, но все же торговых людей Ф. М. Шипову укоризненно припоминали его противники. Ю. Татищев около 1624 г., жалуясь на казенного дьяка Ж. Шипова, завладевшего помещьем Татищевых в Суздальском у., утверждал, что «И государю де известна, что за козенными дьяки, которые из гостей, и поместей не бывало» (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Московский стол. № 8. Л. 143; *Лисейцев Д. В.* Торговые люди Московской Руси в эпоху Смуты начала XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Третьей международной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.). Т. 1. Коломна, 2015. С. 31). Правда, Ю. Татищев, видимо, заблуждался относительно осведомленности царя. На челобитной Ждана Шипова, по которой ему в январе 1615 г. и было дано поместье Владимира Игнатьевича Татищева, имелась «помета боярина Бориса Михайловича Салтыкова: государь пожаловал, велел дать ему грамота, а мимо ево не отдавать» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Московский стол. № 8. Л. 144).

Может быть, именно из этих владений к весне 1628 г. разбежались крестьяне и люди, в связи с чем Дорофей Фролович Шипов просил отпуска со службы (*Горбатов Е. Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 270).

⁶² *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 243.

По С. Б. Веселовскому и Д. В. Лисейцеву, Ждан Шипов стал дьяком Казенного приказа 11 июля 1613 г.⁶³ Это неточно. С. Б. Веселовский сослался на чин венчания Михаила Федоровича на царство, где среди устроителей Царского места назван дьяк Казенного двора Ждан Шипов.⁶⁴ Следовательно, к моменту совершения торжественного обряда Фрол Михайлович уже принял должность на Казенном дворе. Однако еще 9 июля 1613 г. золотые монеты Разрядному приказу с Казенного двора выдавал Ефим Телепнев.⁶⁵ Ефим Григорьевич Телепнев 24 июня и 16 июля возглавлял Печатный приказ, имея в подчинении дьяка Ивана Мизинова.⁶⁶ Может быть, тот факт, что печатник лично выдавал золото с Казенного двора, свидетельствует об отсутствии там другого дьяка? Тогда назначение Ждана Шипова можно относить к 9–10 июля.⁶⁷

Очевидно, со сменой статуса Фрол Михайлович не изменил привычному ремеслу и, причисленный к бюрократии, оставался деловым человеком, каковыми становились и два его сына, имена которых, не названные в записи Печатного приказа, известны — Лев и Дорофей.⁶⁸

Другим компаньоном Надеи Светешникова в деле организации соляного промысла в Костромском уезде был гость Максим Григорьевич Твердилов, чей отец в таком же чине подписал утвержденную грамоту об избрании Бориса Годунова на царство, составленную, видимо, весной 1599 г.⁶⁹ Старший брат Максима, Григорий Григорьевич, упоминается с чином гостя уже в документах зимы-весны 1613 г.⁷⁰

⁶³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 581; Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 634; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 83.

⁶⁴ СГГД. Ч. 3. М., 1822. С. 71.

⁶⁵ РИБ. Т. 28. М., 1912. С. 754.

⁶⁶ Забелин И. Е. Минин и Пожарский прямые и кривые в Смутное время. М., 1896. С. 297–298.

⁶⁷ Необходимо учитывать, что грамотой в Архангельск 17 июля 1613 г. предписывалось отписки присылать на Казенный двор Ефиму Телепневу (Сборник князя Хилкова. С. 176–177. № 65).

⁶⁸ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 581.

⁶⁹ ААЭ. Т. 2. № 7. С. 53; Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 19. О датировке см.: Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. С. 140–141.

А. А. Зимин считал, что родственником Григория был участник Земского собора 1566 г. Игнатий Твердилов (Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 185).

⁷⁰ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. С. 241. 18 мая 1613 г. «запечатана грамота в Нижней Новгород по челобитью гостя Григорья Твердилова на нижегородцов на посадских

Из этого можно заключить, что старшие из братьев Твердиковых обладали званием гостя еще при Василии Шуйском. Младшие братья Максима самостоятельно занимались торговыми операциями, в том числе и нашедшими отражение в официальных документах. Один из них — Афанасий — в июле 1613 г. продал в Серебряный приказ 50 золотых.⁷¹ Второй — Иван — в ноябре того же года поставил товары в Казенную палату.⁷² Спустя несколько месяцев Иван Григорьевич записан в документе гостем: 13 февраля 1614 г. была запечатана грамота «в Нижней Новгород по челобитью гостя Ивана Твердикова на таможенную голову на Василья Юрьева с товарищи о управе, пошлин полполтины. Взято».⁷³ Афанасий еще в 1620 г. в пошлинной книге Печатного приказа писался торговым человеком гостиной сотни: «Июля 20, запечатана жаловальная грамота гостиной сотни торгового человека Офанасья Григорьева сына Твердикова на купленную его лавку сотника Игнатьева, пошлин по государеву указу рубль с четью».⁷⁴

Соляной промысел, прибыльный при налаженном деле, в организационный период требовал значительных капитальных вложений. Стремление Шипова, Твердикова, Светешникова и других заняться таким предприятием в столь сложное время говорит о наличии у них достаточных денежных средств и уверенности в грядущем благополучии. По меньшей мере, в ближайшие два десятилетия надежды Епифания Андреевича не обманулись.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1613 г., ранее октября 19 — Отписка гостя Епифания Надеи Андреевича Светешникова и ярославского таможенного головы Матвея Исакова в Казенный приказ о закупке лисьих мехов

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холп твой Надейка Светешников да таможенной голова Матюшка Исаков челом бьют.

В нынешнем, государь, во 122-м году прислана к нам твоя государева грамота за приписью твоего государева диака Ждана Шипова, а по твоей го-

людей на Михаля Спирина с товарищи: велено ему на них доправить по кабалам 147 рублей» (Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). С. 117).

⁷¹ РИБ. Т. 9. С. 1.

⁷² Там же. С. 59.

⁷³ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 2. Л. 243.

⁷⁴ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. С. 1104.

судареве грамоте велена купити для крымские посылки шестьнатцать лисиц черных.

И мы, государь, взяли на тебя, государя, десять лисиц черных и послали к тебе, государю, к Москве с москвитинном со Власом Нестеровым сыном Чернцовым, и велели отдати на Казенном дворе твоему государеву казначею Никифору Васильевичю Траханеотову да твоему государеву диаку Ждану Шипову, и роспись к тебе, государю, послали под сею ж отпискою. А денег, государь, за те лисицы не дано, потому что, государь, в Ярославле в доходе денег нет.

И ты, государь, нам о том как велишь свой царьской указ учинити. //

Роспись.

л. 2

Послано государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси десять лисиц черных.

Взято у ярославца у Дружины Григорьева сына красильника лисица десять рублей, лисица восемь рублей, лисица шесть рублей с полтиною, две лисицы по пяти рублей с полтиною, лисица четыре рубли с полтиною, лисица три рубли с полтиною, лисица три ж рубли с полтиною, лисица два рубли с полтиною, лисица два рубли.

На л. 1 об. разными почерками: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси.

На Казенной двор.

122-го октября в 19 привез Влас Нестеров.

РНБ. ОСАГ. Оп. 2. № 17. Л. 1–2. Подлинник.

К. Н. Лемешев

**ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ В «КРАТКОМ РУКОВОДСТВЕ
К КРАСНОРЕЧИЮ» М. В. ЛОМОНОСОВА:
СЕНТЕНЦИИ СЕНЕКИ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ***

Несмотря на более чем полуторавековую историю изучения «Краткого руководства к красноречию» (1748 г.), многие вопросы, связанные как с творческой историей этого памятника в целом, так и с установлением точного круга его источников остаются нерешенными до сих пор. Если говорить об источниковедческой проблеме, то в течение долгого времени непревзойденными и по количеству и по значимости материала здесь были труды А. С. Будиловича и М. И. Сухомлинова,¹ заложившие фундамент научного изучения Риторике М. В. Ломоносова. Единичные атрибуции приводимых Ломоносовым примеров делались и после, однако вплоть до недавнего времени корпус параллельных мест, установленный Будиловичем и Сухомлиновым оставался в целом неизменным. Начало нового этапа в изучении этой проблемы связан с работами С. И. Николаева и А. А. Костина,² которые обнаружили связь ломоносовского текста с некоторыми риторическими трактатами и руководствами XVI–XVII веков, продемонстрировав тем самым, что, с одной стороны, в исследовании источ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-04-00551: «„Краткое руководство к красноречию“ М. В. Ломоносова: творческая история, источники, текст».

¹ Будилович А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869; Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. Т. III. Издание Императорской Академии наук. СПб., 1895.

² Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник Риторике Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7. М.; СПб., 2013. С. 41–53; Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // Slavica Revalensia. Vol. 2. Таллинн, 2015. С. 9–34.

ников первой печатной русской риторики еще рано ставить точку, а с другой — что на вопросы об источнике того или иного фрагмента могут быть получены точные и определенные ответы. Все вышеназванные авторы и установили круг основных источников «Краткого руководства к красноречию»,³ к числу которых относятся: трактат «Риторические комментарии» Герхарда Иоганна Фосса (Воссия — в латинизированной форме; G. I. Vossius, «Commentariorum rhetoricorum sive oratoriarum institutionum libri sex»; первое издание — 1606 г.), трактат Николя Коссена «О риторике духовной и светской» (N. Caussin, «De eloquentia sacra et humana», первое издание — 1617 г.), пособие Михаила Радау «Оратор без подготовки» (M. Radau, «Orator extemporaneus», первое издание — 1650 г.), учебник Ф.-А. Помея «Кандидат риторики» и его переработанный вариант «Новый кандидат риторики» (F.-A. Pomey, «Candidatus rhetoricae» и «Novus candidatus rhetoricae», первое издание — 1659 и 1668 гг., соответственно), трактат И. К. Готшедда «Подробно изложенное искусство красноречия» («Ausführliche Redekunst», первое издание — 1736 г.); к числу источников относят, как правило, и рукописный курс лекций по риторике Порфирия Крайского, преподававшего в Славяно-греко-латинской академии во время обучения в ней М. В. Ломоносова, предположительно и записавшего этот курс в 1733–1734 годах («*Artis Rhetoricae praecepta tres in libros divisa ... tradita Moscoviae. Ex Anno 1733 in Annum 1734. Octobris 17*»).

Именно эти трактаты и учебные пособия стали в «Кратком руководстве к красноречию» источниками большей части теоретического материала и большей части примеров, иллюстрирующих понятия риторической теории. Подчеркнем, что речь идет о массовом, регулярном и систематическом использовании названных источников, хотя и с разным распределением по разным частям ломоносовского трактата. Тем интереснее обнаруживать случаи такого рода параллелей, когда прецедентный материал берется из другого источника и используется для построения одного параграфа или для иллюстрации одного риторического понятия.

В ходе работы по исследованию «Краткого руководства к красноречию», которая ведется сейчас в Институте русской литературы (Пушкинском доме), и подготовке научного комментированного издания этого памятника нам удалось установить источник именно такой компактной группы примеров, находящихся в одном параграфе, являю-

³ Далее мы будем называть их «риториками-источниками».

⁴ Рукопись хранится в РГБ (Ф. 183. Собрание рукописей на западноевропейских языках. № 279. Л. 160–287).

щихся иллюстрациями одной риторической фигуры и не обнаруживающих текстуальных связей ни с одной из риторик-источников. В §212 для иллюстрации фигуры «изречение», которая определяется Ломоносовым как «краткое и общее предложение идей, особливо до нравоучения надлежащих»,⁵ он приводит подборку из 10 фраз.⁶ Их источник ни разу не указан, в работах Будиловича и Сухомлинова, содержащих фронтальный текстологический комментарий к «Краткому руководству...», точного указания источника также нет. Между тем, перед нами ломоносовский перевод 10 цитат из трагедий Сенеки:

Сокровенный гнев вредит, объявленный без мщения теряется. = *Ira quae tegitur nocet; professa perdunt odia vindictae locum* (Medea, 153–154)

Счастье сильных боится, ленивых угнетает. = *Fortuna fortes metuit, ignavos premit* (Medea, 158)

О том сам не сказывай, о чем другим молчать повелеваешь. = *Alium silere quod voles, primus sile* (Phaedra, 876)

Кто боязливо просит, тот учит отказывать. = *Qui timide rogat docet negare* (Phaedra, 593)

Кто лютостию подданных угнетает, тот боящихся боится, и страх на самого обращается. = *Qui sceptro duro saevus imperio regit, timet timentes: metus in auctorem redit* (Oedipus, 705–706)

Ежели кто, имея власть, другому грешить не возбраняет, тем самим грешить повелевает. = *Qui non vetat peccare, cum possit, iubet* (Troades, 291)

Те не так боятся, которым страх ближе. = *Levius solet timere, qui propius timet* (Troades, 515)

Счастливое беззаконие нередко добродетелью называют. = *Prosperum ac felix scelus virtus vocatur* (Hercules Furens, 255)

Кто породю хвалится, тот чужим хвастает. = *Qui genus iactat suum, aliena laudat* (Hercules Furens, 340–341)

Что трудно терпеть, то сладко вспоминать. = *Quae fuit durum pati, meminisse dulce est* (Hercules Furens, 654)

⁵ Латинское наименование фигуры — *sententia* (сентенция), греческое — γνῶμη (гнома); в современной научной и справочной литературе используются оба термина, являясь синонимичными обозначениями понятия, дефиниция которого в целом совпадает с ломоносовской, ср., например: «Гнома, (лат. параллель — сентенция) — краткое высказывание, содержащее обобщенную мысль, вид афоризма, афоризм без авторства: *Лучше один раз увидеть, чем десять тысяч раз услышать*» (Хазангеров Г. Г. Риторический словарь. М., 2009. С. 295). В настоящей статье мы будем использовать наименование «сентенция».

⁶ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесныя науки // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 263.

Как мы уже отмечали выше, важной особенностью этой подборки является то, что ни один из примеров не обнаруживается в риториках-источниках, которыми пользовался автор. Единичное совпадение (отмеченное еще М. И. Сухомлиновым) находим у Ломоносова с Помеем. Это фраза из трагедии «Медея» *Fortuna fortes metuit, ignavos premit* (Medea, 158), переведенная Ломоносовым: *Счастье сильных боится, ленивых угнетает*. Однако этим совпадением все и ограничивается.⁷ М. И. Сухомлинов в текстологическом комментарии к §212 дает ссылку также и на Коссена,⁸ однако в данном случае перед нами указание не на источник, а просто на сопоставительный материал. Что касается примеров, то их количество у Коссена в два с половиной раза больше, чем у Ломоносова: приводятся высказывания Домиция Афры, Августина Блаженного, Сенеки, Бозция, Тацита, Саллюстия, Квинта Курция Руфа, Публия Сира и др. — всего 25 предложений, среди которых нет ни одной из 212 параграфа ломоносовской риторики.⁹

С уникальностью ломоносовской подборки связана определенная методологическая проблема. Особый характер риторической традиции, обусловленный установкой на воспроизведение многовекового канона, использованием одних и тех же теоретических понятий и иллюстрирующих примеров, предопределяет в свою очередь известную инерцию в использовании источников, следование за выбранными авторитетами и неоднократное обращение к ним на протяжении всего сочинения. Это может быть связано и с представлением об особой значимости и правильности выбранного авторитетного источника или источников, которое было сформировано в годы учебы, и с личными предпочтениями, возникшими на этапе собственной (как правило, преподавательской, но иногда и практической, например, проповеднической) деятельности. Наконец, следует сказать, что это принцип универсальный (во всяком случае, для Европы). Он характерен не только для ломоносовского трактата, но является общей чертой всех европейских риторик (в том числе и тех, которые использовал М. В. Ломоносов: все они являются компиляциями, составленными из фрагментов «больших и малых», включенных в итоговый текст как в виде готовых текстовых блоков, с минимальными изме-

⁷ *Pomey François Antoine*. Candidatus Rhetoricae, seu Aphthonii progymnasmata, in meliorem formam usumque redacta, et nuperrime aucta, auctore Francisco Pomey e Societate IESU. Venetiis, 1685. P. 379; Сочинения М. В. Ломоносова... Примечания. С. 475.

⁸ Сочинения М. В. Ломоносова... Примечания. С. 475.

⁹ *Caussin, Nicolas*. De eloquentia sacra et humana libri XVI. Editio quinta, non ignobilior precedentibus. Lugduni, 1637. P. 192–193.

нениями или без каких-либо изменений вообще, так и в переработанном виде). Но при всей многократности использования источников все-таки в рамках того или иного раздела, главы и т. д. автор риторики мог тяготеть к предпочтительному использованию какого-либо текста. Источниковедческие открытия и наблюдения, сделанные исследователями ломоносовской риторики в последнее время, подтверждают это положение. Так, С. И. Николаев и А. А. Костин отмечают совпадение значительного числа примеров в руководствах М. В. Ломоносова и М. Радау между главой «О изобретении витиеватых речей» из «Краткого руководства к красноречию», с одной стороны, и двумя разделами латинской риторики М. Радау, озаглавленными «Несколько способов в изобретении пуантов» и «Как следует оратору вводить в речь пуанты» — с другой.¹⁰ Совпадение это не случайное, поскольку именно в данных главах и разделах обеих риторики авторы излагают тему риторического остроумия (*асумен*). Сравнивая риторики Воссия и Ломоносова, А. А. Костин приходит к выводу о том, что влияние обширнейшего труда Воссия сосредоточено по преимуществу в трех главах второй части («О украшении») ломоносовского трактата, которым соответствуют, выступая в качестве источника, определенные главы раздела IV («*De elocutione*») и раздела V («*De schematibus*») латинского трактата, иными словами, большая часть учения о тропах и фигурах у русского автора восходит (прямо или через промежуточный источник, не слишком, впрочем, далеко отстоящий от оригинала) к изложению этого же учения в книге голландского филолога.¹¹

Связь данных двух трактатов имеет прямое отношение к рассматриваемой нами фигуре — сентенции. В теоретическом плане основное отличие описания этой фигуры у М. В. Ломоносова от описаний риторики-источников состоит в самом факте включения сентенции в состав фигур речи. Действительно, во всех риториках-источниках сентенция рассматривается как одно из риторических общих мест (*лат. loci communi*). И только у Воссия сентенция характеризуется своего рода «двойной отнесенностью» и включена также и в число фигур.¹² Таким образом, и в этом вопросе, хотя бы и частично, Ломоносов и Воссий совпадают. Активное использование трактата Воссия для части «О украшении», совпадение как в теоретическом изло-

¹⁰ Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник Риторики Ломоносова... С. 45–46.

¹¹ Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова... С. 22.

¹² Vossius G. I. *Commentariorum rhetoricorum sive oratoriarum institutionum libri sex*. Т. 2. Lugduni Batavorum, 1643. P. 368–369.

жении, так и в примерах, и что особенно важно — использование готовых блоков, включающих одновременно теоретическую информацию, сопроводительный комментарий (иногда повторяющий ошибки или неточности источника) и текстовые иллюстрации;¹³ наконец, совпадение (частичное) в квалификации конкретного теоретического понятия (сентенции), отнесенного обоими авторами к разделу *Elocutio* — все это заставляло бы нас ожидать сходства и в использованных примерах. Однако ожидаемого сходства нет, нет ни одного совпадающего примера.

Для объяснения этого, конечно, можно было бы сослаться на широкий литературный кругозор автора, который всегда (и при этом всегда непредсказуемо) способен корректировать заданный принцип описания. Однако риторика — особый жанр: его каноничность ничуть не уступает его литературности. Именно поэтому выявление случаев отступлений от «доминантного» источника или источников чрезвычайно важно. Однако какими могли быть причины такого рода отступлений? К сожалению, риторика М. В. Ломоносова является своего рода закрытым текстом, текстом, который не сопровождался ни во время работы, ни после нее какими-либо объяснительными комментариями самого автора, его коллег или оппонентов. Единственный системный и фронтальный комментарий, современный самому произведению — заметки В. К. Тредьяковского на его экземпляре ломоносовской риторики (воспроизведенные М. И. Сухомлиновым) — представляет собой безусловную ценность, фиксируя замечания заинтересованного читателя и ученого комментатора (хотя и не всегда объективного), а иногда и эксплицированную оценку. Однако он не способен, конечно же, ответить на все вопросы. К §212 В. К. Тредьяковский не сделал никаких комментариев,¹⁴ так что применительно к этому небольшому пространству ломоносовского текста можно говорить о почти совершенном информационном вакууме. В этой ситуации мы должны как можно тщательнее анализировать соотношение ломоносовского текста с источниками, пытаясь в этом сопоставительном анализе найти необходимую филологическую информацию. Попробуем применить эту процедуру к ломоносовской подборке сентенций из Сенеки.

Выше мы говорили об отличии в теоретической классификации сентенции у Ломоносова и в риториках-источниках. Сравнение показывает, что и в области самих примеров можно найти одно суще-

¹³ Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова... С. 25–26.

¹⁴ Сочинения М. В. Ломоносова... Примечания. С. 475.

ственное, «системное» отличие, связанное с отбором авторов. И здесь все риторики-источники обнаруживают сходство между собой, которое состоит однако не в конкретном наборе авторитетных имен (он, естественно, будет иметь как частичные совпадения, так и частичные отличия), а в самом принципе формирования корпуса примеров, в соответствии с которым в подборке всегда представлены разные авторы. Последовательности сентенций, принадлежащих одному автору, встречаются (прежде всего, у М. Радау), однако такие случаи сравнительно редки и при этом мы всегда найдем рядом цитаты из других авторов.

Это вполне согласуется с риторическим эстетическим принципом разнообразия (*varietas*), который, с одной стороны, позволяет избежать однообразия, способного оттолкнуть слушателей от предлагаемой речи, а с другой — обеспечивает полноту описания любого предмета, что также имеет значение для качества речевого произведения; соответствует это и дидактическим целям, поскольку таким образом, кроме реализации учебной программы риторического курса, реализуется также и самый простой путь знакомства с авторитетными латинскими авторами, из произведений которых выбираются «лучшие» мысли, изложенные в «выигрышной» и запоминающейся афористичной форме, а это, в свою очередь, весьма помогает в приобретении латинской образованности, возможно, в ее внешнем (чтобы не сказать — салонном) варианте, однако при этом все-таки и необходимом, и полезном.

Разнообразие имеет значение не только в эстетической сфере. Выше уже говорилось о том, что только в риторике М. В. Ломоносова сентенции числятся исключительно среди фигур речи, в то время как в риториках-источниках они рассматриваются как общие риторические места (*loci communes*). *Locī communes* как категория риторической теории являются способами аргументации, и поэтому сентенции в этом качестве рассматриваются в разделах «изобретение» (*лат. inventio*) или «расположение» (*лат. dispositio*). Более широкий подход к описанию сентенций, представленный у Воссия, не меняет существа дела.

Иными словами, независимо от особенностей конкретного изложения сентенции рассматриваются всеми авторами как необходимые элементы процедуры доказательства. Именно доказательство выдвигаемого тезиса, убеждение слушателей в своей правоте являлось (и является) основной заботой риторики с момента ее возникновения, и, конечно, было бы странно, если бы авторы риторических трактатов сознательно ограничивали корпус примеров, иллюстрирующих сентенцию как инструмент доказательства, одним, пусть и весьма популярным, автором (Сенекой), принося действенную силу

аргументов в жертву своим собственным литературным пристрастиям. Юный «кандидат элоквенции», ученик школы или студент, также получал бы здесь противоречивую и не вполне ясную «установочную» дидактическую информацию.

Все это должно было приводить и приводило к тому, что включение в риторический трактат как можно более разнообразных элементов было и естественным, и необходимым, а следовательно, являлось вполне очевидной частью риторического канона. На этом фоне особое значение приобретает тот факт, что все сентенции М. В. Ломоносова взяты им у одного автора и из произведений одного жанра (трагедий). Эта литературно-эстетическая «монохромность» (один автор, один жанр) подчеркивает самостоятельность Ломоносова в выборе материала, хотя и вписанного в заданную рамку, но, в то же время, в известном смысле ломающего ее. Конечно, эту «революционность» не стоит преувеличивать, однако и не обращать на нее внимание было бы неправильным, поскольку, как мы уже отмечали выше, для традиции риторики любое явное отступление от канона можно считать событием экстраординарным. Для такого отступления от традиции должны были быть основания и условия. Можно ли объяснить его в данном случае чем-то еще, кроме очевидного указания на интерес Ломоносова к Сенеке, который (интерес) нельзя отрицать, но который, в то же время, ничем не отличает Ломоносова от всех без исключения европейских филологов и авторов риторических трактатов?

Заметим, что «Краткое руководство к красноречию», по крайней мере, на первый взгляд, является вполне традиционной риторикой и отнюдь не забывает об основной цели красноречия, каковая состоит в убеждении слушателей. Его текст начинается следующей фразой (в §1 «Вступления»): «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению».¹⁵ Однако ситуация, в которой находился Ломоносов, была отлична от стандартной ситуации европейского филолога и преподавателя. Перед ним стояла задача создания литературного языка нового типа, ориентированного не на церковнославянский, а на собственно русский язык. И здесь наряду с фрагментами из оригинальных ломоносовских произведений большую роль играли переводы на русский язык образцовых (прежде всего — латинских) текстов. О том, что ломоносовская риторика ценна прежде всего своими примерами писал еще митрополит Евгений (Болховитинов), подчеркивая вместе с тем особую роль языкового фактора: «Сия книга была первою на

¹⁵ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. С. 91.

русском языке о сей науке, ибо в школах дотоле преподавали оную только на латинском. Ломоносова „Риторика“ собрана из тех же классических книг, и наипаче из латинской Кауссиновой большой и Помеевой „Риторики“, и вся составлена из общих правил с подведением только некоторых российских примеров подлинниками и переводами — из древних и новейших писателей. Но сии-то примеры были новостью для желавших знать красоту русского слога».¹⁶ Действительно, для подавляющего большинства фрагментов, использованных для иллюстрации, это был вообще первый случай представления текста на русском (а не церковнославянском) языке. Перед авторами латинских риторик такая задача не стояла (стояла она перед И. К. Готшедом, и именно поэтому сопоставление немецкого и русского трактатов является особенно интересным). Необходимость поиска литературно-языковых образцов расширяла область поиска источников: так, любимым автором Готшеда становится француз Э. Флешье, цитируемый на протяжении всего немецкого трактата. Она же давала возможность отступления от жесткого канона там, где это могло казаться приемлемым. Что касается сентенции, то ее перенесение из разряда понятий, принадлежащих теории аргументации, в сферу теории стилистического украшения речи как раз и мог быть той причиной, которая освобождала М. В. Ломоносова от необходимости в остальном придерживаться жесткого традиционного канона, что, в свою очередь, давало возможность проявиться другим, собственно литературно-языковым предпочтениям в отборе примеров. А сам перенос этот, из сферы *Locorum communium* в сферу *Figurarum sententiarum*, мог быть результатом ориентации на учебный узус. В трактате Готшеда мы находим упоминание об обычае рассматривать сентенции среди фигур. И к обычаю этому немецкий автор относится весьма критично, настаивая на том, что не следует включать сентенцию в состав фигур и что единственно правильным способом рассмотрения сентенций является включение их в раздел *Erläuterung* («истолкование»), который связан с аргументацией.¹⁷ Риторика-источники XVII века, как мы видели, вовсе не стремятся изменить положение сентенций в структуре риторической теории, однако полемическое упоминание в риторике Готшеда, написанной в 1736 г., может быть свидетельством того, что эта иная традиция

¹⁶ Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. 2. М., 1845. С. 20.

¹⁷ *Gottsched Johann Christoph. Ausführliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer, geistlichen und weltlichen Rednern zu Gut, in zween Theilen verfasst und mit Exemplen erläutert. Leipzig, 1736. S. 157, 290.*

в XVIII веке уже существовала и была в известной мере популярна. А частичное следование этой традиции Воссия, которого никто не мог бы упрекнуть в легковесности, указывает на то, что она появилась не на пустом месте, и дает дополнительный и весомый аргумент в ее пользу любителям научной риторики.

Нельзя забывать и о дидактическом факторе, который мог учитываться при выборе автора. В Проекте регламента Академической гимназии, составленном М. В. Ломоносовым в 1758 г., в главе III, посвященной обучению гимназистов, имеется следующее указание: «Во 2-м русском классе следует учить: 1) чистоте русского языка по правилам, которые должны заучиваться наизусть. 2) Нужно выбрать лучшие из писем Цицерона и переводить их на русский язык, показывая при этом, какими приемами пользуются теперь в различных родах писем. 3) Нужно выбрать лучшие главы из Корнелия Непота, Юстина, Курция и Сенеки и переводить их».¹⁸ Обратим особое внимание на то, что речь здесь идет о методах изучения русского (а не латинского!) языка «во 2-м русском классе». И, как это следует из текста, именно перевод «лучших писем и глав» латинских классиков рассматривался Ломоносовым в качестве способа достижения «чистоты русского языка». Не вдаваясь в сравнительный анализ достоинств и особенностей стиля упомянутых в этом пассаже авторов, заметим, что включение Сенеки в список тех авторов, которые особенно важны для обучения именно русскому языку, может указывать на то, что фактор «дидактической востребованности» мог учитываться при выборе источника примеров в первой русской риторике.

Таким образом, римский классик становился частью русской культуры, а русский литературный язык приобретал достоинство классических — греческого и латинского — языков, к чему и стремился М. В. Ломоносов в своей филологической деятельности.

¹⁸ Проект регламента Академической гимназии. 1758 марта 24 — мая 27 // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. М.; Л., 1955. С. 493.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	— Археографический ежегодник
ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук
АРИ	— Архив русской истории
АСЗ	— Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века
БАН	— Библиотека Академии наук
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ	— Исторические записки
ИРГО	— Известия Русского генеалогического общества
МОИДР	— Московское общество истории и древностей российских
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОСАГ	— Основное собрание актов и грамот
ОФР	— Очерки феодальной России
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская государственная библиотека
РД	— Русский дипломатарий
РИ	— Российская история
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
РИО	— Русское историческое общество
РНБ	— Российская национальная библиотека
СГТД	— Собрание государственных грамот и договоров
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жуков А. Е.</i> К вопросу об автографах патриарха Гермогена	3
<i>Солодкин Я. Г.</i> Возникновение Мангазеи в изображении тобольских летописцев XVII века (К определению источников сибирского летописного свода)	23
<i>Кистерев С. Н.</i> Гость Надея Светешников в 1612 и 1613 годах.	33
<i>Лемешев К. Н.</i> Источники примеров в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова: сентенции Сенеки в русском переводе	54
Список сокращений.	64

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 13

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 26.02.2016

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

